

ГЛАВА 3

РУССКИЕ В ПРИБАЛТИКЕ

Территориальная сопредельность Прибалтики и русского северо-запада – причина множественных и разнообразных контактов, известных со времени Древней Руси. Сохранялись эти взаимосвязи и в XIV–XV вв., в период постепенного складывания централизованного Русского государства. Купцы и дипломаты, путешественники, просто люди с причудливой судьбой – выходцы из русских земель по самым разным причинам оказывались на территории прибалтийских государств¹.

3.1

XVI – НАЧАЛО XX в.

На землях Прибалтики, в XVI–XVII вв. не раз выступавших ареной военных кампаний между Московским царством и его соседями, иногда подолгу находились крупные русские армии (войска, участвовавшие в тяжелой Ливонской войне, насчитывали десятки тысяч человек, большинство из которых являлись русскими). Однако сколько-нибудь заметным присутствие русских в качестве постоянного населения становится только во второй половине XVII в., после появления на территории Курляндского

¹ Русское торговое подворье в Риге известно уже с XIII века. В XV в. в городе существовало русское кладбище, рядом с которым находился храм св. Николая. В XIV–XV вв. целый ряд городов Ливонского ордена и Рига как крупнейший из них вели активную торговлю с Новгородом, Псковом, Смоленском. Оказывались в пределах Прибалтики и беглецы, покинувшие Русь по религиозным причинам. В XVI – начале XVII в. это стригольники и «жидовствующие» (ариане).

герцогства и в Латгалии¹ (входившей в описываемое время в состав Речи Посполитой) старообрядцев. Первые их поселения начинают появляться здесь с 1660 года.

Польские власти предоставляли религиозным беглецам из России определенные льготы, и численность их продолжала расти за счет новых переселенцев из России. Расширялась и география – старообрядцы осваивают Двинский, Режицкий, Люценский и Илукстский уезды², расселяясь, прежде всего, в сельской местности. Этот геодемографический рост продолжается в петровское время.

«Массовые побеги старообрядцев в период правления Петра I и несколько позже привели к увеличению их численности в Латгалии, Видземе, герцогстве Курляндском. Постепенно значительным центром старообрядчества становятся Динабург, Режица, Якобштадт и особенно Рига. Точной даты появления старообрядцев в Риге не установлено. Но известно, что уже в начале XVIII века здесь их проживало достаточно много. Во всяком случае, в августе 1723 года обер-иеромонах Маркел Радишевский доносил синоду об итогах переписи старообрядцев в Риге. Он сообщил о том, что многие в “святую четырехдесятницу” (Великий пост) из Риги поуходили и укрылись поблизости в Курляндии, и только не успевших укрыться было “записано душ более пятисот”. Понятно, что такая масса людей появиться сразу не могла. А если учесть, что для обложения налогом записывали только мужчин (а многие из них укрылись в Курляндии – благо граница была рядом), то названное количество впечатляет»³. Безусловно, впечатляет, поскольку речь может идти минимум о 1,5–2 тыс. человек, что должно было составлять различимую часть всего населения Риги этого времени.

Появлялись поселения старообрядцев и к западу от Чудского озера (земли современной Эстонии), а также в восточных литовских районах Речи Посполитой. Таким образом, едва ли можно согласиться с В.М. Кабузаном, согласно которому в пределах всей Прибалтики (в ее современных границах) общая численность русских к концу Северной войны (1719 г.) составляла порядка 300 человек⁴. Хотя за вычетом старообрядцев русское

¹ Историческая область Латвии.

² Поммер А.А. Русские в Латвии. Исторический очерк. XIII–XIX вв. URL: <http://www.russkije.lv/ru/pub/read/russkie-v-latvii-sbornik/rus-v-latvii-1-a-pommer.html>

³ Цит. по: Веретенников В. Прошлое и настоящее латвийского старообрядчества. URL: <https://regnum.ru/news/cultura/1550530.html>

⁴ Кабузан В.М. Русские в мире. С. 279.

гражданское население в пределах присоединенных к России прибалтийских земель в начале – середине XVIII в. действительно могло быть минимальным. Но оценивая масштабы русского этнического присутствия на данных землях, едва ли корректно не учитывать русских военных, составлявших большинство в размещенных по всему региону армейских частях.

В начале 1760-х гг. (III ревизия), по расчетам Кабузана, русское население в пределах Прибалтики выросло до 2,8 тыс. чел.¹ Очевидно, что и эта цифра далеко не полностью учитывает местное старообрядческое население, по-прежнему сосредоточенное преимущественно в пределах Латгалии и Курляндии. Согласно другому источнику, в 1772 г. численность староверов только в пределах будущей Латвии достигало 12 тыс. чел.² Самым «русским» городом региона в рассматриваемое время, как и раньше, являлась Рига, где во второй половине 1760-х гг. русские составляли более 15 % от всех горожан³.

В последней трети XVIII в., после трех разделов Речи Посполитой, территория Прибалтики полностью входит в состав Российской империи. Несколько увеличивается к концу столетия и местное русское население, составлявшее уже порядка 30 тыс. чел.⁴, основная масса которого по-прежнему была расселена в пределах Лифляндии (16,3 тыс.) и прежде всего в ее административном центре – Риге (8,6 тыс.)⁵. В большинстве это были рабчие, ремесленники и мелкие торговцы⁶.

Столь же поступательно небыстрым оставался рост местных русских общин и в первой половине XIX века. Основной поток русских переселенцев направлялся в другие регионы империи. Прибалтийские земли не отличались большой привлекательностью для крестьян, а время для активной трудовой миграции в города еще не пришло. Тем не менее к началу реформенного периода (рубеж 1860-х гг.) русское население Прибалтики выросло до 127 тыс. человек. Более 70 тысяч из них приходилось на Курляндию и Лифляндию – территории будущей Латвии.

¹ Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990. С. 229.

² *Arīne I., Volkovs V. Latvijas krievu identitāte: vēsturisks un socioloģisks apcerējums.* (Идентичность латвийских русских. Исторический и социологический очерк). Rīga, 2007. P. 21.

³ Кабузан В.М. Русские в мире. С. 290.

⁴ Без учета военных, численность которых могла не уступать русскому гражданскому населению.

⁵ Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии. Вып. I. Рига, 1893. С. 187.

⁶ В регионе по различным обстоятельствам могли оказываться представители самых разных групп русского населения. В частности, в последней четверти XVIII в. на поселение в Лифляндскую губернию было сослано некоторое число пугачевцев (Поммер А.А. Русские в Латвии).

Социально-экономические реформы и урбанизационный бум последней трети XIX в. многократно увеличили приток русских переселенцев в пределы региона, в первую очередь, в его города. По данным переписи 1897 г., численность русских в границах современной Прибалтики превышала 330 тыс. чел. Опережающим темпом в эти десятилетия росло присутствие русских в самых западных районах региона – на территории современной Литвы, в пределах которой численность русских за 1858–1897 гг. выросла почти в четыре раза (с 36 до 139 тыс. чел.). Вдвое больше русских стало в Латвии и Эстонии (рис. 3.1).

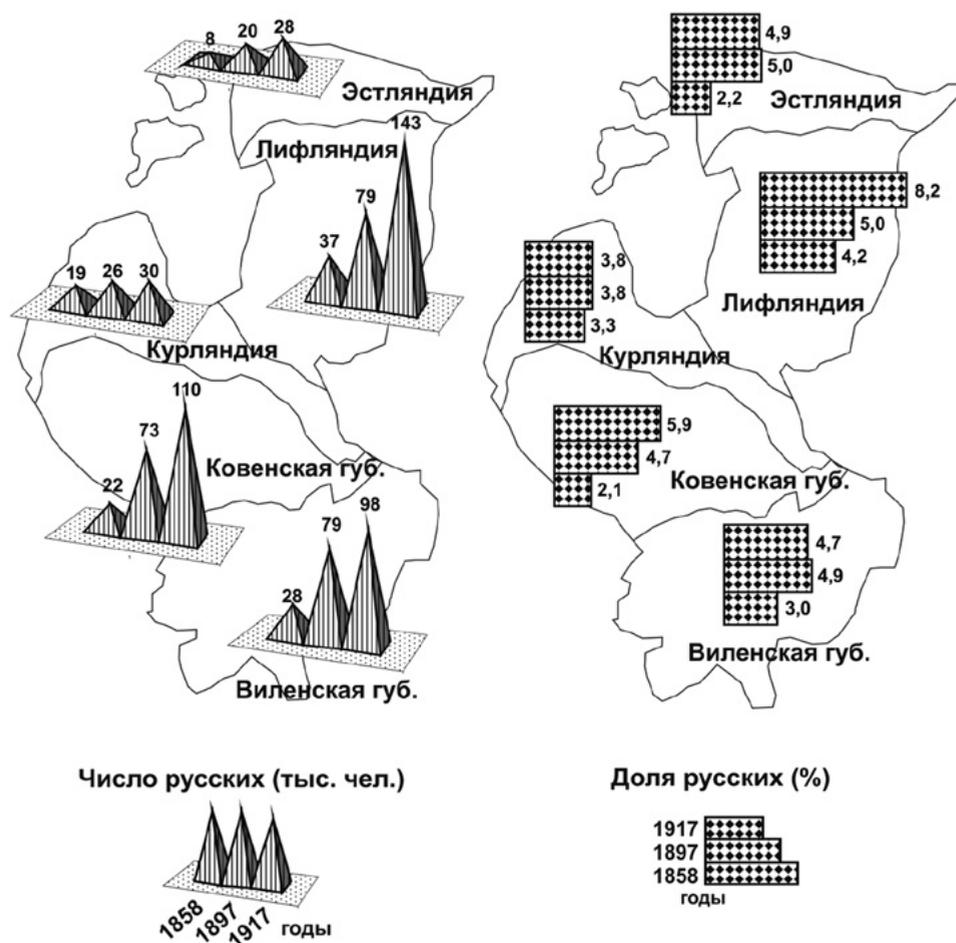

Рис. 3.1. Русские в прибалтийских губерниях, 1897 г.¹

¹ Рассчитано по: Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в. М., 1992; Его же. Русские в мире; Демоскоп Weekly (приложение). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>

Крупнейшими средоточиями русского населения в регионе являлись губернские центры: Рига, Вильно (Вильнюс), Ковно (Каунас), Ревель (Таллинн). Но заметно выросли русские общины и других городов. В целом более половины русских Прибалтики этого времени – горожане.

Русское сельское население в основном было сосредоточено в Латгалии (Двинский и Режицкий уезды Витебской губернии) и восточных районах Эстляндии, прилегавших к русским губерниям¹. Впрочем, небольшие группы русских поселян (2–4 % от общего числа местных жителей) встречались уже в большинстве уездов прибалтийских губерний. Как правило, это было гендерно сбалансированное, а значит и хорошо укорененное население. Присутствие русских в городской среде было куда более весомым (10–20 %). Но гендерная структура русских горожан обнаруживала существенный (зачастую 2–3-кратный) перевес мужчин – свидетельство значительной доли трудовых мигрантов (табл. 3.1).

Таблица 3.1. Геодемографические характеристики
и гендерное соотношение
у русских прибалтийских губерний, 1897 г.²

Губернии	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбанизации, %	Доля русских, %			Гендерный баланс (число мужчин на 100 женщин)		
	всего	город	село		всего	город	село	всего	город	село
Виленская	78,6	36,2	42,4	46,1	4,9	18,3	3,0	143	195	112
Ковенская	72,9	26,1	46,8	35,8	4,7	18,3	3,3	162	353	112
Курляндская	25,6	14,0	11,6	54,7	3,8	9,0	2,2	175	239	125
Лифляндская	68,1	51,9	16,2	76,2	5,2	13,6	1,8	133	142	107
Эстляндская	20,4	10,7	9,7	52,5	4,9	13,9	2,9	155	218	110

Продолжился быстрый демографический рост русского населения региона и в начале XX в. Согласно В.М. Кабузану, за 20-летний период после

¹ В самом восточном Везенбергском уезде доля русских составляла 7,3 %.

² Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>

Первой всеобщей переписи (1897–1916 гг.) численность русских выросла в Прибалтике более чем на треть (с 332 до 450 тыс. человек).

Но, как уже говорилось, это время отличалось очень высоким естественным приростом русского народа (16–19 ‰ в год), позволившим ему увеличить свою численность более чем на 30 %. Практически весь демографический рост местных русских общин мог быть результатом их естественной динамики. В действительности приток русских в Прибалтику сохранялся, но уже не в таких масштабах. По-прежнему он ориентировался в первую очередь на крупные города. Русское население Риги, крупнейшего центра региона, за 1897–1914 гг. выросло с 44 тыс. чел. до 100 тыс. (43,8 % жителей города). С 31 до 43 тысяч увеличилась русская община Вильно.

Социальные катаклизмы второго десятилетия XX в. и распад империи оборвали этот восходящий этнодемографический тренд. Массовый отток русских из западных губерний Прибалтики в годы Первой мировой войны был вызван неудачами русской армии, вынужденной оставить значительные территории. Достаточно сказать, что в период оккупации немцами Вильно (1916 г.) в городе осталось только 2 тыс. русских (менее 5 % от довоенного уровня).

3.2

МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1920–1930-е гг.)

Революция и последующее создание независимых прибалтийских государств стали другой причиной миграционного оттока русских из региона. Однако первые послереволюционные годы были связаны и с обратным миграционным движением – часть населения Советской России, не принявшая новую власть, уходила в соседние страны. Одним из эпицентров белой эмиграции стала и Прибалтика. Для значительной части таких беженцев прибалтийские государства являлись временным пристанищем, и через несколько лет они перебрались в страны Центральной и Западной Европы.

Тем не менее в 1926 г. русских в Прибалтике оставалось порядка 350 тысяч. В Латвии и Эстонии они были крупнейшими национальными меньшинствами, в Литве – по численности уступали только полякам.

Латвия

Как и на протяжении всей предыдущей истории, самой большой являлась русская община Латвии (почти 200 тыс. человек). Но в отличие от имперского периода, основная масса местных русских теперь была сосредоточена в сельской местности. Главная причина этой расселенческой «метаморфозы» заключалась в том, что русские городские общины, выросшие в конце XIX – начале XX в. и состоявшие преимущественно из мигрантов первого поколения, в период Мировой и Гражданской войны потеряли значительную часть своих представителей (достаточно сказать, что 100-тысячное русское население Риги сократилось к 1920 г. до 12 тысяч).

А сельские общины с большой долей старожилов преимущественно из числа старообрядцев сохранились почти в полном составе. К тому же, согласно мирному договору между Латвией и Советской Россией, к первой отошел ряд районов Псковской губернии с многочисленным сельским русским населением. Его отличал традиционный тип демографического воспроизводства. Как результат русская община Латвии с середины 1920-х гг. демонстрировала количественный рост, основной причиной которого являлась высокая рождаемость.

«Например, в 1929 году прирост русского населения Латвии составил 2,8 тысяч человек, в то время как количество латышей, общее число которых в то время было в девять раз больше, возросло всего на 3,7 тысяч. Русские семьи были более многодетны... и отличались большой стабильностью. Среднее количество разводов в русских семьях было в два раза меньше, чем в латышских, и в пять раз меньше, чем в немецких семьях»¹.

В целом за период 1925–1935 гг. демографический рост в Латвии продемонстрировали только титульные латыши и русские. Число последних выросло на 6,6 % (со 193,6 тыс. до 206,5 тысяч)². И они составляли более 10 % населения страны. Приход к власти националистов во главе с К. Улманисом (1934 г.) и новый политический курс («Латвия для латышей») могли усилить отток русских из страны (прежде всего из городов). По расчетам специалистов ЦСУ СССР, на момент присоединения Прибалтики к Совет-

¹ Волков В. Русские в Латвии. URL: <https://web.archive.org/web/20111011213452/http://www.li.lv/index.php?option=content&task=view&id=101>

² Федотов А.Н. Национальный состав населения Латвии за 110 лет в зеркале статистики. URL: <http://www.russkije.lv/ru/pub/read/russkie-v-latvii-sbornik/rus-v-latvii-1-fedotov.html>

скому Союзу (1940 г.) в пределах Латвии проживало 186,5 тыс. русских (на эту же цифру ориентируется в своих расчетах и В.М. Кабузан)¹.

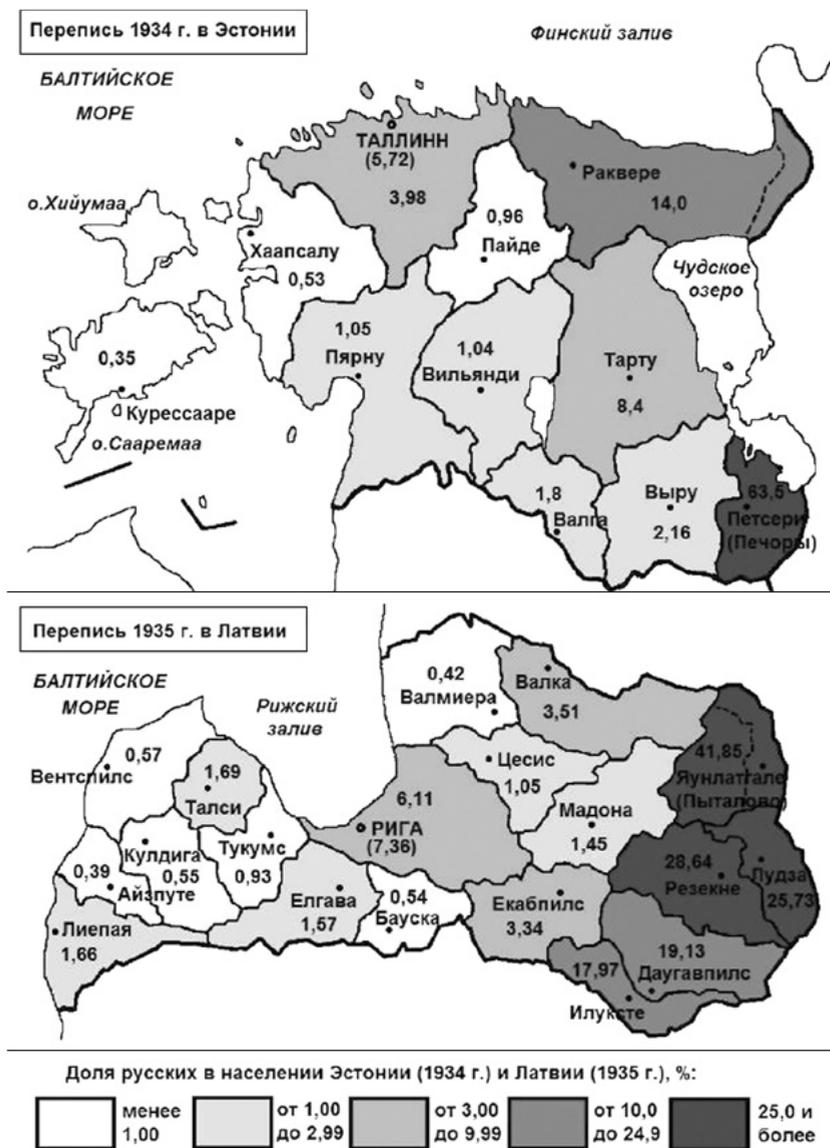

Рис. 3.2. Доля русских в населении Эстонии (по итогам переписи 1934 г.) и Латвии (по итогам переписи 1935 г.)²

¹ Кабузан В.М. Русские в мире. С. 277.

² Источник: Манаков А.Г. Динамика национального состава населения Эстонии и Латвии в 1920–1330-е гг. // Псковский регионологический журнал. 2017. № 2 (30). С. 83.

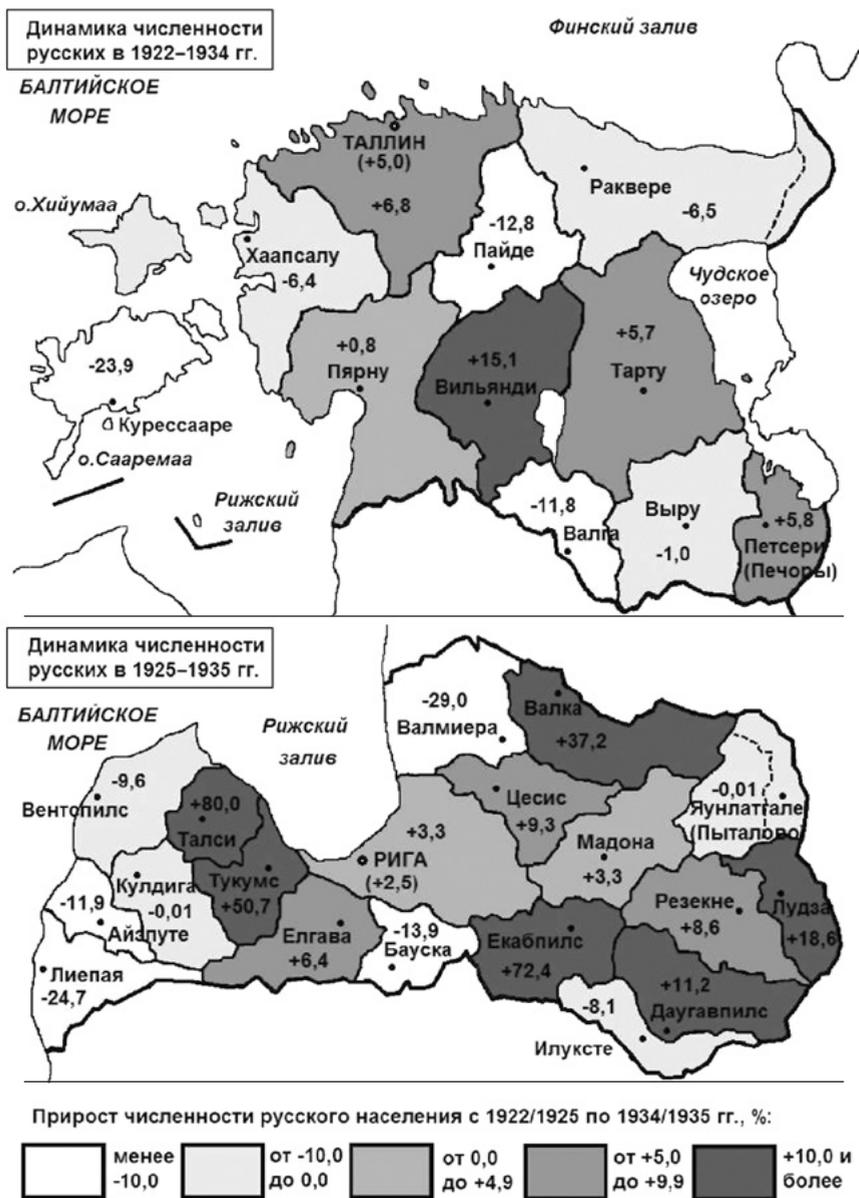

Рис. 3.3. Изменение численности русского населения в 1922–1934 гг. в Эстонии и в 1925–1935 гг. в Латвии¹

Однако дополнительное исследование, проведенное российскими демографами в начале XXI в., позволило скорректировать данный показатель,

¹ Источник: Манаков А.Г. Динамика национального состава ... С. 86.

увеличив его до 206,5 тысяч¹. Если этот расчет верен, во второй половине 1930-х гг. численность русских в Латвии стабилизировалась. Наметившийся отток и естественный прирост компенсировали друг друга.

Основная масса русского населения была сосредоточена в Риге (28,4 тыс. чел.) и располагалась в четырех уездах Латгалии (с центрами в Даугавпилсе, Резекне, Лудзы, Яунлатгале) – 154 тыс. человек (27,1 % жителей). Причем в северо-восточном Яунлатгальском уезде русские в середине 1920-х гг. составляли 45,5 %, поскольку в 1920 г. к нему отошла территория Пыталовского края, уступленного Латвии Советской Россией. Межвоенный период был связан с ускоренной «латышизацией» этого уезда (численность представителей титульного народа выросла с 52 до 60 тыс. чел.). Но и в середине 1930-х гг. доля русских среди местного населения продолжала составлять почти 42 %, а в большинстве волостей (пагастов) данного района превышала 70 % (в некоторых – даже 90 %)². За пределами восточных районов русские Латвии были малочисленны, как правило, составляя не более 1–3 % населения (рис. 3.2).

Эстония

Численность русских в Эстонии в межвоенный период также в существенной степени зависела от направления и масштабов миграции, достигшей максимальной интенсивности в первой половине 1920-х гг. Приток белоэмигрантов и последующее их перемещение в другие страны Европы должны были самым существенным образом менять численность русской общины Таллинна и других эстонских городов. Заметно увеличило количество русских в Эстонии включение в ее состав (по Тартускому договору 1920 г.) Печорского района (к русскому народу относилось почти 2/3 его жителей). Как результат перепись 1923 г. обнаружила в стране более 91 тысячи русских (8,2 % населения)³.

В силу значительной доли «поселян» (крестьянского населения, сохранявшего традицию многодетности), естественный прирост русской диаспоры

¹ Население России в XX веке: исторические очерки. В 3 т. Т. 2. 1940–1959. М., 2001. С. 10.

² Манаков А.Г. Динамика национального состава ... С. 86.

³ Согласно данным В.М. Кабузана, русских в Эстонии в 1926 г. было только 38 тыс. чел. Однако его расчет проводился для территориального контура, современного Эстонии, и, следовательно, не включал Печорского района, находящегося в настоящее время в составе РФ.

существенно превосходил показатель всего населения страны (6,5 ‰ против 1 ‰)¹. Однако следующая перепись (1935 г.) зафиксировала в Эстонии практически то же самое количество русских (92,6 тыс. чел.), весь прирост был «съеден» миграцией².

Несмотря на миграционную активность русских, в межвоенный период география русской общины почти не изменилась (рис. 3.3). В середине 1930-х гг. более 41 тыс. чел. проживало в Печорском районе, более 20 тыс. в Виру – другом восточном районе Эстонии, прилегающем к территории России (в т.ч. 8 тыс. русских насчитывалось в Нарве, крупнейшем центре Виру). Русская община Таллинна также составляла почти 8 тыс. чел. И, наконец, порядка 15 тыс. русских являлось жителями Тарту и окрестных сельских территорий, составлявших его административный район.

Данная система расселения полностью сохранилась и во второй половине 1930-х гг. – на момент включения Эстонии в состав СССР численность ее русских составляла 93,7 тыс. человек³.

Литва

Стремительное сокращение местной русской общины, как уже отмечалось выше, началось еще в период Первой мировой войны. Не желая оставаться в Литве в период немецкой оккупации, значительная часть русского населения эвакуировалась в более восточные регионы империи. В начале 1930-х гг. известный русский общественный деятель Литвы А. Тыминский с горечью констатировал: «Русское чиновничество, домовладельцы, помещики, ремесленники, лица свободных профессий, всё то, что составляло интеллигенцию, отхлынуло из Литвы, и многие уже не вернулись обратно, будучи задержанными революцией и новой политической обстановкой»⁴.

Если перед революцией в пределах современной Литвы проживало порядка 175 тыс. русских, то перепись 1923 г. обнаружила в стране только 51 тысячу.

Однако данная цифра не учитывала русского населения Виленского и Клайпедского краев, в это время не входивших в состав Литвы. В первом из них русских было 5,9 тыс., а во втором порядка 2–3 тыс. человек. Следует

¹ Пуллат Р.Н. Городское население Эстонии с конца XVIII в. до 1940 г. Таллинн, 1976. С. 119.

² Впрочем, речь идет о достаточно скромных демографических величинах. За 12 лет естественный прирост мог составить порядка 6–7 тыс. чел.

³ Население России в XX веке ... С. 10.

⁴ Тыминский А. Русская общественная жизнь в Литве // Русский календарь на 1932 г. Ковно, 1931. С. 1.

учесть и то, что перепись Литвы 1923 г. фиксировала национальность только у населения, имевшего литовское гражданство. Национальная принадлежность неграждан («иностранцев») вообще не указывалась¹. Размеры такого невидимого демографического «довеска» у русских могли составлять минимум несколько тысяч человек.

Впрочем, даже полный учет всех перечисленных групп русского населения не отменял факта резкого его сокращения, что отличало самую западную из стран Прибалтики от двух других. Но даже в таком усеченном формате русские на момент проведения переписи оставались третьим национальным меньшинством Литовской республики (2,5 % населения), уступая только полякам и евреям².

Основу русской общины страны составляло старообрядческое население (31,8 тыс. чел.), на которое приходилось 63 % всех русских, имевших литовское гражданство. Самая значительная часть данного старожильского сегмента русской общины была расселена в сельской местности. Немало поселян было и среди русских, переехавших в пределы будущей независимой Литвы в конце XIX – начале XX в. Третья группа русского населения, сформированная преимущественно белоэмигрантами (представителями привилегированных групп российского общества и бывшими горожанами), была ориентирована на городские центры, и прежде всего Каунас – столицу межвоенной Литвы.

В общей сложности в пределах современной Литвы в первой половине 1920-х гг. могло проживать 65–70 тыс. русских (В.М. Кабузан определяет их численность в 67 тысяч)³. На протяжении последующих 15–17 лет эта цифра практически не изменилась. И в Советский Союз на рубеже 1940-х гг. вместе с Литвой вернулось 71,6 тыс. русского населения⁴.

Заметим, что В.М. Кабузан дает заметно большую цифру – 101 тыс., очевидно, ориентируясь на расчеты специалистов ЦСУ СССР конца 1950-х гг., которые, как мы уже говорили, были скорректированы современными российскими демографами. Учитывая векторы и темпы этнодемографических процессов в Литве межвоенных десятилетий, количественная стабилизация русской общины страны представляется значительно более вероятным сценарием, нежели ее существенное увеличение, для которого практически невозможно найти серьезных причин.

¹ Марцинкявичус А. Социальная адаптация русских в межвоенной Литве // Диаспоры. 2011. № 1. С. 125.

² После присоединения к Литве Клайпедского края (1923 г.) с крупной немецкой общиной русские отодвинулись на четвертую позицию среди диаспор страны.

³ Кабузан В.М. Русские в мире. С. 277.

⁴ Население России в XX веке ... С. 10.

Итак, 20-летний период независимости Прибалтики незначительно отразился на численности и географии русских в регионе. В отличие, например, от Центральной и Западной Европы, в странах которой крупные средоточия русских эмигрантов, возникшие в начале 1920-х гг., к концу 1930-х гг. самым существенным образом сократили свои размеры, прежде всего, в результате аккультурации и стремительно набиравшей темпы ассимиляции молодежи новых русских диаспор.

Очевидно, что именно историческая укорененность русских общин в странах Балтии играла центральную роль в их демографической устойчивости. Старожильческое ядро, представленное старообрядцами, а также участки русского этнического ареала, оказавшиеся в пределах прибалтийских стран (Петсеримаа/Печорский район в Эстонии, Яунлатгале/Пыталово в Латвии), являлись своего рода ребрами прочности русской геодемографии в регионе, отвечая не только за сохранность системы расселения, но и естественное воспроизводство. И в СССР вместе с Прибалтикой вернулось такое же (даже несколько выросшее) число русских, какое покинуло Советскую Россию в начале 1920-х гг.

3.3

СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (середина – вторая половина XX в.)

Включение Прибалтики в состав СССР и последующая Великая Отечественная война существенным образом сказались на размерах и национальной структуре населения всех трех стран, ставших союзными республиками Советского Союза. Во время войны регион утратил самую значительную часть своего многочисленного еврейского (а в первые послевоенные годы – и немецкого населения). Не принявшие советскую власть социальные группы эмигрировали на запад, а в 1943–1944 гг. вместе с отступающими немецкими войсками ушли коллаборационисты (в общей сложности порядка 165 тыс. человек)¹. Значительным оказалось и число репрессированных советской властью².

¹ С учетом выехавших в 1943–1944 гг. в другие страны Европы Прибалтика потеряла около 240 тыс. жителей (см.: Кабузан В.М. Русские в мире. С. 260).

² Только из Эстонии в 1941 г. была выселена в восточные районы СССР 61 тыс. чел. (порядка 6 % всего населения).

Таким образом, этнодемографическая структура прибалтийских обществ во второй половине 1940-х гг. существенным образом отличалась от довоенной.

Одним из центральных трендов послевоенного периода становится быстрый приток мигрантов из других регионов СССР. Значительную часть этого переселенческого потока составляли русские. К концу 1950-х гг. их численность в Прибалтике превышает миллион человек, увеличившись за 15–20 лет почти втрое. При наличии общего этнодемографического тренда, связанного с быстрым ростом русского населения, динамика данного процесса в каждой из республик имела свои отличительные черты.

Латвия

В период немецкой оккупации в Латвии была проведена перепись населения. Учитывая, что проводилась она только один день (24 февраля 1943 г.), возникают сомнения в полноте полученных результатов. Но и они зафиксировали 207,0 тыс. русских, число которых таким образом осталось на довоенном уровне.

Очевидно, что и к концу войны данная цифра едва ли могла претерпеть значительные изменения. Между тем первая послевоенная перепись населения 1959 г. обнаружила в Латвии 556 тыс. русских (на 350 тыс. больше). Естественный прирост, даже если предположить, что его послевоенный восстановительный уровень достигал 15–20 ‰ в год, смог бы увеличить русское население республики к 1959 г. только на 20–30 % (несколько десятков тысяч человек). С учетом рождаемости у новых переселенцев эта цифра может быть увеличена вдвое.

Таким образом, общий естественный прирост русских за 1945–1959 гг. мог достигать порядка 100 тыс. человек, миграционный приток – около 250 тыс. человек. Самая значительная часть переселенцев (более 200 тыс.) пополнила население республиканской столицы (к рубежу 1960-х гг. русская община Риги насчитывала почти 240 тыс. человек). Большая часть остальных мигрантов осела в других городах Латвии, уровень урбанизации русского населения существенно вырос, достигнув 72,7 % (у латышей она составляла только 46,7 %).

В отличие от массовой трудовой миграции конца XIX – начала XX в., послевоенный приток в значительной степени состоял из женщин. На рубеже 1960-х гг. в русской общине республики на 100 женщин приходилось только 78 мужчин. Сказывались демографические итоги войны – огромные

потери мужчин определили ощутимый перевес женщин и в послевоенной миграционной волне. Показательно в этом плане более равновесное гендерное соотношение у сельских русских (более 84 мужчин на 100 женщин), включавших в свой состав значительную долю старожильческого населения (табл. 3.2).

Таблица 3.2. Геодемографические характеристики и гендерное соотношение у русских Латвии, 1959–1989 гг. (тыс. чел., %)¹

Годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбанизации, %	Доля русских, %			Гендерный баланс (число мужчин на 100 женщин)		
	всего	город	село		всего	город	село	общий	город	село
1959	556,4	404,5	151,9	72,7	26,6	34,5	16,5	77,8	75,4	84,4
1970	704,6	561,6	143,0	79,7	29,8	38,3	16,1	85,9	85,6	86,8
1979	821,5	682,1	139,3	83	32,8	40,2	17,3	87,2	86,5	90,5
1989	905,5	769,5	136,0	85	34	40,7	17,5	88,0	86,6	96,2

Итак, за первые полтора послевоенных десятилетия русская община Латвии увеличилась в 2,7 раза. Среди причин столь масштабного роста высокая привлекательность всей Прибалтики и самой Латвии как некоего внутрисоветского аналога Европы – экономически и социокультурно развитого региона. Но существенную роль играла и реальная необходимость в большом количестве новых рабочих рук, связанная с активным индустриальным строительством, развернутым в прибалтийских республиках в послевоенный период. А здесь одним из центральных факторов, определявших миграционную «емкость» каждой из республик региона, становился существующий демографический потенциал. Потери населения Латвии в период войны по целому ряду причин оказались заметно выше, чем в двух других республиках, что и предопределило большие масштабы притока трудовых мигрантов, чем в соседнюю Литву². Впрочем, данное обстоятельство не отменяет и других факторов, в т.ч. более жесткой политики литовского партийного руководства во главе со А. Снечкусом, сумевшим отстоять республику от притока слишком большого числа трудовых мигрантов. Но свою роль играла и сама длительная история весомого русского присутствия в Латвии, наличие мощной столичной общины и многочисленного старожильческого сельского населения.

¹ Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>

² Иванов Е. Послевоенная русификация Латвии. И почему она не случилась в Литве? URL: <https://maksim-kot.livejournal.com/106111.html>

Ускоренный рост русской общины продолжился в 1960-е годы. И всё же темпы его снизились существенным образом – сказались сокращение масштабов миграции, которая, впрочем, и в это десятилетие обеспечила порядка 55–60 % демографического прироста русского населения республики¹.

Чистый приток мигрантов в республику в данном десятилетии приближался к 150 тыс. человек². Помимо 85–90 тыс. русских, в Латвию переехало 25–28 тыс. белорусов, около 20 тыс. украинцев. Так, в национальном разрезе трудовой десант носил черты общего «восточнославянского» переселенческого проекта, хотя русские в нем количественно доминировали.

К 1970 г. их численность в Латвии превысила 700 тыс. человек. Как и раньше, русские в первую очередь приезжали в города – уровень урбанизации их в республике увеличился почти до 80 %. Но показательно, что доля «столичных» русских (жителей Риги) в 1960-е гг. несколько сократилась – привлекательными для новых переселенцев становятся и другие центры. Городская сеть республики в этнокультурном разрезе приобретает все более русский облик (более 38 % горожан Латвии в 1970 году – русские).

Города теперь привлекали и местное сельское русское население. За десятилетие его численность в республике сократилась на 9 тыс. человек (со 152 до 143 тысяч). С учетом естественного прироста чистый отток русских из сельской местности мог составить порядка 25–27 тыс. чел. Впрочем, данный внутренний «переток» из сел в города не был специфической чертой русских поселян – в 1960-е гг. в Латвии начало сокращаться и общее число сельских жителей (с 509 до 482 тыс. чел.). Сельские латыши включились в процесс урбанизации почти так же активно, как и русские.

Продолжился демографический рост русской общины Латвии и в следующем десятилетии. Естественная динамика, миграция и ассимиляция работали на него, позволив к 1979 г. увеличить численность русских в республике до 821 тыс. чел. Центральную роль в количественном росте русских республики по-прежнему играла миграция, хотя удельный вес ее в полученном демографическом «довеске» ощутимо сократился.

Естественный прирост, опустившийся до ежегодных 6–7 %, за 1970–1979 гг. был способен увеличить русскую общину на 40–45 тыс. чел. Небольшой вклад (5–10 тыс.) в демографический рост могла вне-

¹ Ежегодный естественный прирост у русских СССР в 1960-е гг. составлял порядка 9 %. Но у русского населения Латвии данный показатель в силу более молодой возрастной структуры мог быть несколько выше (10–11 %) и составить за 1959–1970 гг. порядка 60–65 тыс. чел. Еще несколько тысяч могла дать ассимиляция – обрусение части представителей украинской и белорусской общин. Таким образом, миграционный приток мог составить около 85–90 тысяч.

² *Переведенцев В.* Рынок труда и миграция населения // Вопросы экономики. М., 1991. № 9. С. 47.

сти ассимиляция, связанная с межнациональными браками русских с украинцами, белорусами, евреями и представителями других русскоязычных диаспор Латвии. Значительная часть смешанного потомства таких семей самоопределялась русскими. И только в русско-латышских браках существовало равновесие или небольшой перевес «латышизации». Однако удельный вес таких семей в общей массе межнациональных браков у русских был невелик. Учитывая вклад естественной динамики и обрусения, положительное миграционное сальдо русских в республике в 1970-е гг. должно было составлять порядка 60–70 тыс. человек.

Сохранились и другие особенности геодемографической динамики. Русская миграция по-прежнему ориентировалась на города. И это были не только внешние переселенцы, но и республиканские русские поселяне. Их общее число в Латвии опять сократилось, хотя не столь значительно, как в 1960-е годы. К рубежу 1980-х гг. более 40 % горожан республики – русские. Но и среди сельского населения их доля превышала 17 %. Гендерное соотношение в русской общине, имевшее в послевоенный период значительный женский перевес, выправилось уже к началу 1970-х гг., хотя русских женщин в республике по-прежнему было больше.

Последнее советское десятилетие воспроизвело все перечисленные тренды, сохранив и тенденцию к сокращению общих масштабов демографического роста русской общины. В 1980-е гг. она выросла на 84 тыс. чел., из которых 40–45 тыс. пришлось на естественный прирост¹. Примерно столько же дала миграция². Таким образом, впервые за послевоенный период данные две компоненты демографического роста сравнялись по своим размерам.

К началу 1990-х гг. численность русских в Латвии превысила 900 тысяч. Почти половина этого населения (430 тыс.) проживала в Риге, в которой русские являлись доминирующей национальной группой (47 % против 36 % у латышей) (рис. 3.4). Значительной была прослойка русских и в других городах республики, хотя здесь ее соотношение с титульным населением оказывалось обратным (латышей – 51 %, русских – 34 %). Еще меньше русских в сельской местности. Но всё равно каждый шестой сельский житель республики в конце советского периода был русским.

¹ В этом десятилетии он составлял у русских республики 5–5,5 ‰ в год.

² Значение ассимиляции – третьего фактора количественной динамики – у русской общины Латвии в 1980-е гг. было минимальным. Процесс обрусения местных русскоязычных общин к концу советского периода почти прекратился, поскольку доминирующей тенденцией с начала перестройки становится обращение к своим этническим корням и повсеместный рост разнообразных национализмов. «Становиться» русским в Прибалтике теряло практический смысл.

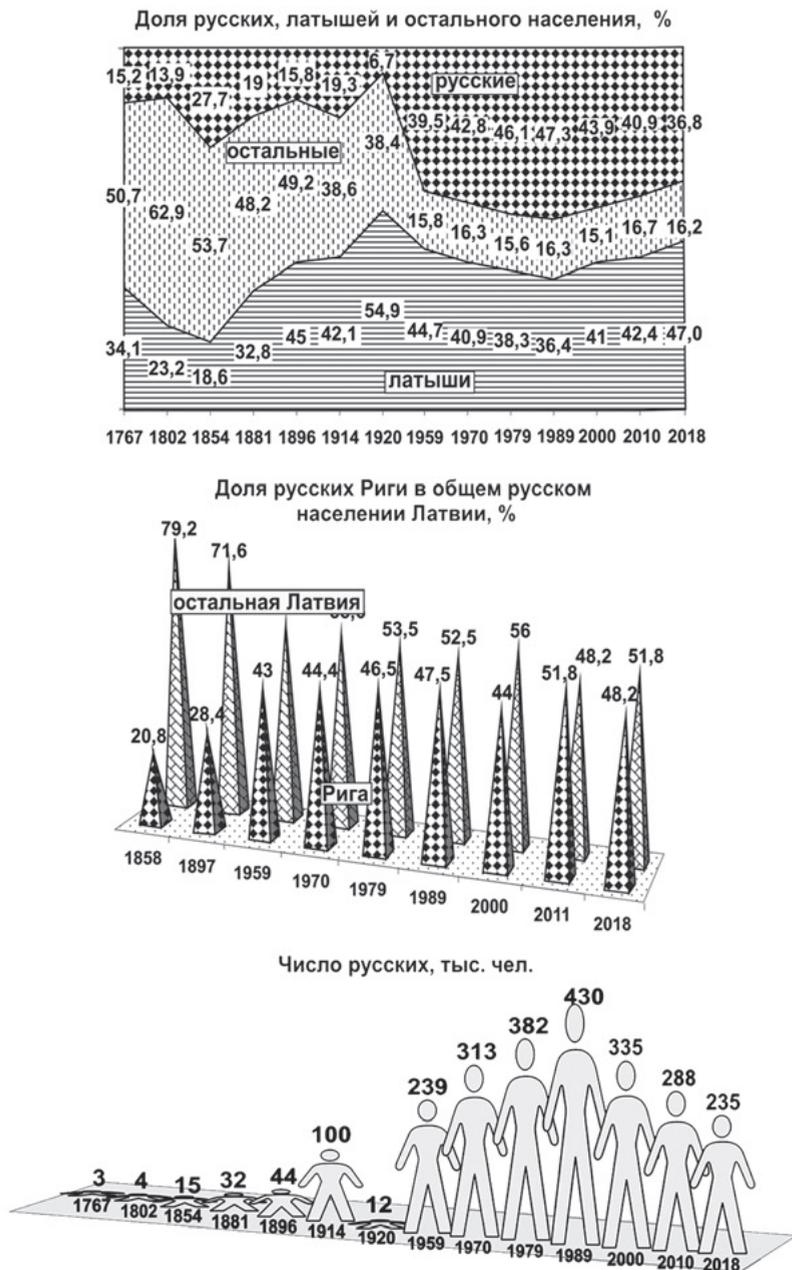

Рис. 3.4. Динамика русского населения Риги, 1767–2018 гг.¹

¹ Рассчитано по: Кабузан В.М. Русские в мире; Демоскоп Weekly (приложение). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>; Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: <http://pop-stat.mashke.org>

Эстония

Численность русского населения республики на конец войны неизвестна. Но помимо разнообразных потерь, связанных с военными действиями, существенную роль играло возвращение в состав РСФСР Печорского района. Можно предположить, что в середине 1940-х гг. в Эстонии оставалось не более 25–35 тыс. русского населения. А к рубежу 1960-х гг. его численность достигала уже 240 тыс. человек. Тем самым переселенческий поток в первые послевоенные 15 лет мог составить порядка 200 тыс. чел. Как и в Латвии, русские мигранты в своей массе оседали в эстонских городах и прежде всего в столичном Таллине, русская община которого в 1959 г. уже превышала 90 тыс. чел. (треть населения города). А общий уровень урбанизации русских республики составил 86,5 %. В гендерном отношении русское население Эстонии соответствовало общему показателю русских СССР – на 100 женщин в республике приходилось только 77 мужчин (в СССР – 78,5). Таким образом, среди послевоенных переселенцев в республику женщины явно доминировали.

Основные геодемографические тенденции последующих десятилетий, свойственные русской общине Латвии, были характерны и для русских Эстонии. Численность их постоянно росла, как и уровень урбанизации (в 1989 г. в городах проживало уже 92 % республиканских русских). При этом центральным средоточием оставалась столица – на Таллинн приходилось более 40 % русского населения республики (рис. 3.5). Но с каждым десятилетием количественный рост русской общины сокращался, а в его структуре постепенно снижалась доля миграции. Так что в 1980-е гг. приток новых переселенцев и естественный прирост количественно практически сравнялись (табл. 3.3).

Таблица 3.3. Структура демографического прироста русских Эстонии, 1959–1989 гг.

Годы	Прирост	Компоненты, тыс. чел.			Доля в общей убыли, %		
		миграция	естественный прирост	ассимиляция	миграция	естественный прирост	ассимиляция
1959–1970	94,4	50–55	37–42	2–3	53–58	39–44,5	2,1–3,2
1970–1979	74,2	36–40	32–35	2–3	48,5–54	43–47	2,7–4,0
1979–1989	68,0	34–36	32–34	–	5–53	47–50	–

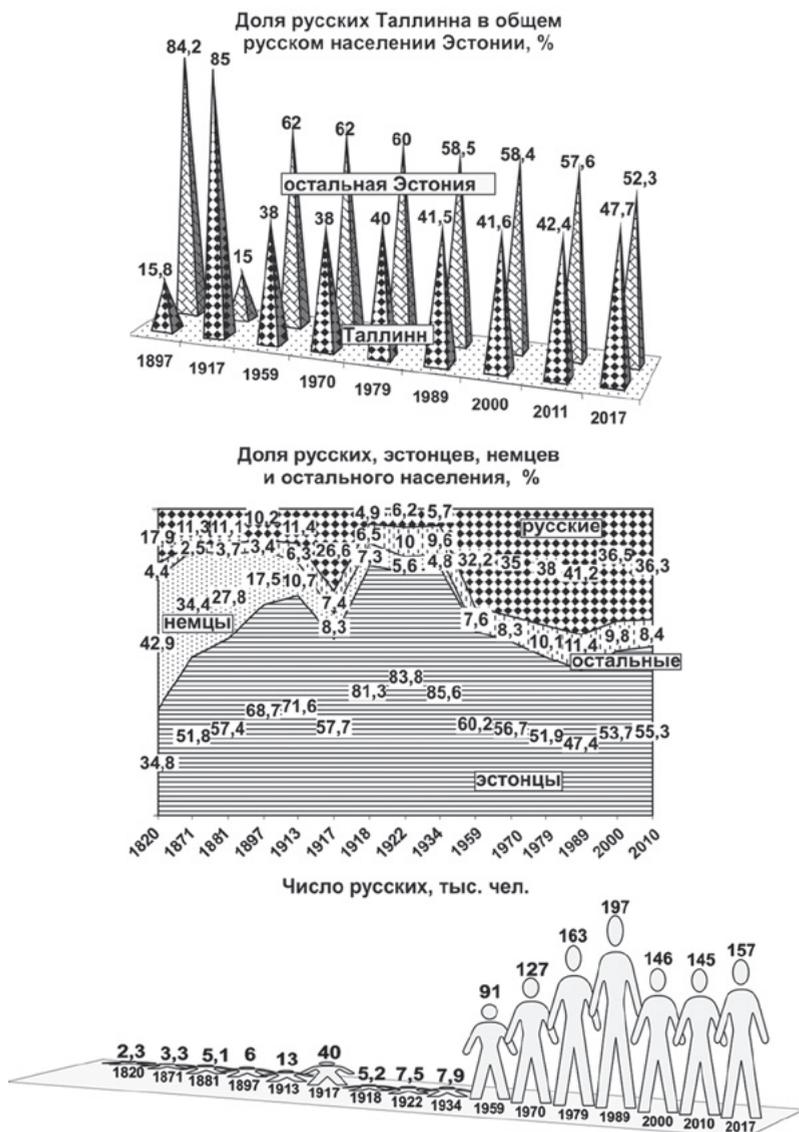

Рис. 3.5. Динамика русского населения Таллинна, 1820–2017 гг.¹

Отток русских из сельской местности в города республики был не столь ощутимым, как в Латвии, и в полной мере проявил себя только в 1980-е гг. Впрочем, и присутствие русских в сельской местности Эстонии было значительно меньшим (8,5 %). Зато в городских центрах их было в несколько

¹ Рассчитано по: Кабузан В.М. Русские в мире; Демоскоп Weekly (приложение). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>; Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: <http://pop-stat.mashke.org>

раз больше – 39 % горожанин Эстонк концу советского периода – русские (табл. 3.4)

Таблица 3.4. Геодемографические характеристики и гендерное соотношение у русских Эстонии, 1959–1989 гг. (тыс. чел., %)¹

Годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбанизации, %	Доля русских, %			Гендерный баланс (число мужчин на 100 женщин)		
	всего	город	село		всего	город	село	общий	город	село
1959	240,2	207,8	32,4	86,5	20,1	30,8	6,22	77	76	81
1970	334,6	298,8	35,8	89,3	24,7	33,9	7,55	88	87	107
1979	408,8	370,3	38,5	90,6	27,9	36,4	8,59	88	87	100
1989	474,8	436,7	38,1	92	30,3	39,0	8,53	88	87	100

Литва

В отличие от двух других прибалтийских республик, русское население Литвы в первое послевоенное 15-летие отметилось куда менее бурным ростом, хотя численность его и выросла по сравнению с 1940 г. в 2,3 раза. И тем не менее русских в республике на рубеже 1960-х гг. было всего 8,5 % (табл. 3.5).

Одна из основных причин – активное вооруженное сопротивление литовских националистов, подавить которое советским силовым структурам удалось только в середине 1950-х гг. Свою роль играли и незначительные (в сравнении с двумя другими республиками) размеры русской общины и соответственно более плотная «титовая» этнокультурная среда, отпугивавшая часть русских потенциальных мигрантов. Имел значение и территориально-административный фактор – отсутствие прямой границы с РСФСР и наибольшая пространственная удаленность Литовской ССР.

Учитывая трудовой характер миграции и ее социофессиональную структуру, самая значительная часть русских переселенцев оседала в городах, ориентируясь на крупнейшие административные и промышленные центры республики. При общем уровне урбанизации в 77 %, более 60 % русских было сосредоточено в трех городах Литвы: Вильнюсе, Каунасе, а также в приморской Клайпеде – одном из крупнейших советских портов на Балтике.

¹ Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>

Таблица 3.5. Геодемографические характеристики и гендерное соотношение у русских Литвы, 1959–1989 гг. (тыс. чел., %)¹

Годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбанизации, %	Доля русских, %			Гендерный баланс (число мужчин на 100 женщин)		
	всего	город	село		всего	город	село	общий	город	село
1959	231,0	177,8	52,2	77	8,52	17	3,19	82,5	80	92
1970	268,0	227,6	40,4	84,9	8,57	14,5	2,59	91	92	85
1979	303,5	263,0	40,5	86,7	8,95	12,9	2,98	93	93	96
1989	344,5	309,1	35,3	89,7	9,37	12,4	2,97	93	93	94

Существенной спецификой отличалась динамика русской общины республики и в дальнейшем. Рост ее долгое время значительно уступал аналогичному показателю двух других русских общин Прибалтики, но при этом он не сокращался от десятилетия к десятилетию, а в 1980-е гг. даже несколько вырос. Причем первоначально (1960-е гг.) вклад миграции существенно уступал по своему значению естественной компоненте этого роста, а в последнее советское десятилетие почти сравнялся с ней по масштабам (табл. 3.6).

Таблица 3.6. Структура демографического прироста русских Литвы, 1959–1989 гг. (тыс. чел., %)

Годы	Прирост	Компоненты, тыс. чел.			Доля в общей убыли, %		
		миграция	естественный прирост	ассимиляция	миграция	естественный прирост	ассимиляция
1959–1970	37,0	3–6	30–32	0,5–1	8–16	81–86	1,5–3
1970–1979	35,5	8–10	25–27	0,5–1	22–28	70–76	2,5–3
1979–1989	41,0	18–21	20–23	–	44–51	49–56	–

Ограниченные масштабы переселенческого потока не позволили русской общине серьезно увеличить свой удельный вес – за 1959–1989 гг. ее доля в населении Литвы выросла только на 0,85 % (с 8,52 до 9,37 %). При этом, в отличие от других прибалтийских республик, представленность русских в литовских городах всё это время сокращалась, составив к концу 1980-х гг. 12,4 % (против 17 % на рубеже 1960-х гг.). Сокращался удельный вес русского населения и в столице республики (рис. 3.6).

¹ Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>

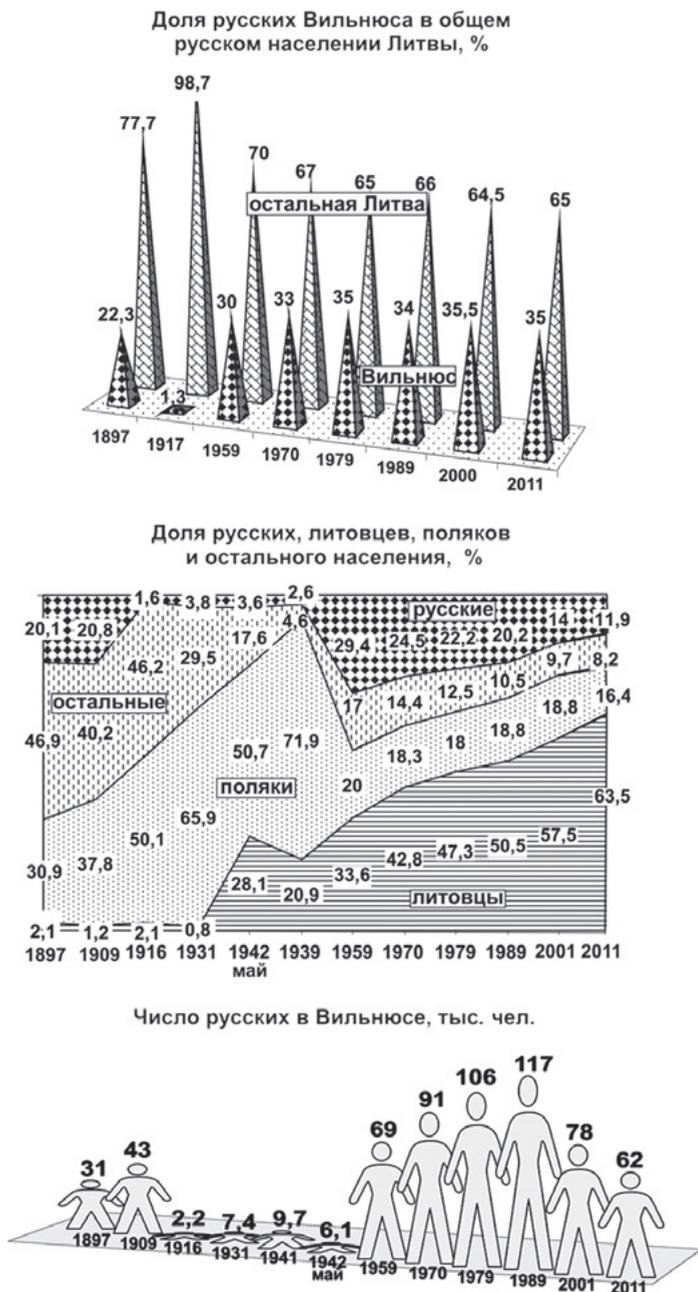

Рис. 3.6. Динамика русского населения Вильнюса, 1897–2011 гг.¹

¹ Рассчитано по: Кабузан В.М. Русские в мире; Демоскоп Weekly (приложение). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>; Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: <http://pop-stat.mashke.org>

Но если русские городские общины, теряя удельно, росли в размерах, то сельское русское население количественно сокращалось быстрыми темпами, начиная с 1960-х годов. В этом десятилетии его численность упала с 52 до 40 тыс. человек. Принимая в расчет высокий естественный прирост, можно предположить, что в республиканские города перебралось порядка 20 тыс. русских поселян, включившихся в процесс урбанизации наряду с литовцами. В 1970-е гг. отток в города существенно замедлился и вновь ускорился в последнее советское десятилетие. К концу 1980-х гг. в сельской местности проживало только 35 тыс. русских (менее 3 % местного населения).

Таким образом, своего исторического максимума русское население Прибалтики достигло в конце советского периода. На рубеже 1990-х гг. в трех союзных республиках СССР проживало в общей сложности более 1,7 млн русских. Но растянувшийся на все послевоенные десятилетия неуклонный рост русского этнического присутствия уже сменялся обратным демографическим трендом. В 1990 г. русские начали покидать прибалтийские республики. Наиболее активно данный процесс развернулся в Литве, чистый отток из которой достиг почти 9 тыс. чел., более двух тыс. чел. – из Эстонии.

3.4 ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Распад СССР еще более увеличил масштабы миграции русских из региона. Но на первые позиции по этому показателю теперь вышли Латвия и Эстония. Страны Балтии массово покидали военнослужащие, работники различных силовых ведомств и их семьи, которым было отказано в получении вида на жительство. Уезжали и мигранты последнего советского десятилетия, не успевшие укорениться на новом месте. Впрочем, причин для отъезда русских в это время было много. Регион покидали инженеры и рабочие, потерявшие работу после остановки предприятий союзного подчинения. По замечанию К.С. Халлик, русских Эстонии подталкивала к отъезду «неуверенность в будущем, неясность перспектив с получением образования на русском языке, опасения возможной национальной дискриминации и... открыто выраженное желание властей, чтобы как можно

больше переселенцев советского периода покинули Эстонию. Ряд законов, в первую очередь о гражданстве (1991 г.) и об иностранцах (1993 г.), оставили русских, поселившихся в Эстонии в советское время, вне официального общества... Перспектива обрыва связей с родственниками и близкими также не могла не стимулировать отъезд. Определенную роль играли, несомненно, и идеологические мотивы, несогласие с государственной самостоятельностью Эстонии»¹.

Все сказанное в полной мере относилось и к русским двух других стран Балтии, массово покидавших регион в первой половине 1990-х гг.

1990-е годы

В общей сложности за 1990–1994 гг. отток русских из Латвии составил более 60 тыс. чел. Эстонию и Литву покинуло соответственно 45,5 и 35 тыс. Но в отличие от других бывших союзных республик, в которых максимальные масштабы оттока русских пришлось на 1993–1994 гг., в Прибалтике пиковым оказался 1992-й. Уже в следующем 1993 г. миграция русского населения из всех трех прибалтийских стран быстро пошла на убыль (табл. 3.7). Во второй половине 1990-х гг. по официальной статистике среднегодовой отток русских из Латвии составлял порядка 6,5 тыс. чел., из Эстонии и Литвы соответственно 3,2 и 2,7 тысяч.

Таблица 3.7. Миграционная динамика русских в странах Балтии, 1990–1994 гг. (чел.)²

Страны	1990	1991	1992	1993	1994
<i>Миграционный отток</i>					
Латвия	–	–	30 740	19 694	14 223
Литва	12 273	10 409	16 380	9423	2145
Эстония	7465	8238	25892	10 983	6421
<i>Миграционный приток</i>					
Латвия	–	–	3408	1932	1223
Литва	6294	5121	2667	992	593
Эстония	5416	3596	2299	1233	865
<i>Сальдо миграции</i>					
Латвия			–27332	–17762	–13000
Литва	–5979	–5288	–13713	–8431	–1552
Эстония	–2049	–4642	–23593	–9750	–5556

¹ Халлик К.С. Русские в Эстонии // Русские: этносоциологические исследования. М., 2011. С. 100.

² Составлено по: Demographic statistics of the Baltic countries. Tallinn; Riga; Vilnius, 1996. P. 62–63.

Однако к этому времени заметно возрастают масштабы естественной убыли. В Эстонии ее показатель для местного русского населения в середине – второй половине 1990-х гг. поднялся до ежегодных 6 ‰, в Латвии составил 7,5 ‰. Таким образом, общие потери русских Прибалтики, фиксируемые текущим учетом их естественной и миграционной динамики, были весьма значительными. Но и они оказались существенно меньше демографической убыли русского населения, обнаруженной первыми постсоветскими переписями, проведенными в странах Балтии. Так, перепись 2000 г. обнаружила в Латвии 703 тыс. русских, хотя, согласно текущему балансу, их должно быть 763 тысячи.

Можно предположить, что реальный отток русского населения несколько превышал фиксируемый государственными органами. Но едва ли теневая компонента была столь значительной. Очевидно, что заметная часть демографических потерь русских общин стран Балтии в 1990-е гг. была связана с переменой этнической самоидентичности части их представителей (прежде всего, биэтнофоров – потомства межнациональных семей).

Уровень межнациональной брачности у местных русских был очень высоким уже в конце советского периода. При этом он напрямую соотносился с общей их численностью, удельным весом и системой расселения. Чем более высокой была пространственная концентрация русского населения, тем ниже у него оказывалась доля межнациональных браков. Но даже в Эстонии, в которой она была минимальной, более четверти русских в конце советского периода выбирали супруга другой национальности. А в Литве данный показатель превышал 50 % (табл. 3.8).

Таблица 3.8. Доля русских, вступивших в межнациональный брак в 1979 и 1989 гг. (%)¹

Годы	Латвия		Литва		Эстония	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1979	35,5	35,1	52,3	47,4	24,7	29,2
1989	37,1	37,6	56,5	51,7	24,0	27,2

Наиболее распространенными вариантами, как уже отмечалось, являлись браки с украинцами и белорусами. Но основные ассимиляционные потери были связаны с русско-титульной брачностью, масштабы которой на всем протяжении советского периода оставались незначительными, хотя и постепенно росли. Однако в новых социально-политических условиях

¹ Население СССР. М., 1989. С. 276–277, 286–287, 318–319.

более привлекательными оказывались не только титульные, но и другие европейские идентичности (польская, немецкая и т.д.), в которых также теперь предпочитало самоопределяться смешанное население, ранее идентифицировавшее себя как русское.

Именно массовый идентификационный переход таких биэтнофоров «портил» демографическую статистику русского населения Прибалтики в первое постсоветское десятилетие. В общей сложности в 1990-е гг. на смену идентичности могло приходиться более трети зафиксированной убыли русских (табл. 3.9). К началу XXI в. в трех странах региона их оставалось 1,27 млн, на 450 тыс. (26 %) меньше, чем в 1989 году. Если в абсолютном выражении, максимально потеряло русское население Латвии (более 200 тыс.), то в удельном разрезе наиболее ощутимо сократилась русская общины Литвы (35,5 %).

Таблица 3.9. Компоненты демографической убыли русских стран Балтии, 1989–2001 гг.¹

Страна	Абсолютные потери, тыс. чел.			Удельный вес в общей убыли, %		
	естест. убыль	миграция в Россию	смена идентичности	естест. убыль	миграция в Россию	смена идентичности
Латвия	50–51	99–100	52–54	32,7–33,3	64,7–65,4	34–35,3
Литва	16–17	51–52	55–57	12,9–13,7	41,1–41,9	44,4–46
Эстония	20–21	64–65	38–40	16,1–16,9	51,6–52,4	30,6–32,3

Начало XXI в. (2000-е гг.)

Этнодемографические тенденции, сформированные в конце XX в., сохранялись и в дальнейшем. В 2000-е гг. русское население Прибалтики характеризовалось устойчивым миграционным оттоком в Россию. Масштабы его, однако, были самыми незначительными. По данным Госкомстата РФ, ежегодно в начале нулевых в Россию переезжало (миграционное сальдо) порядка 3,5 тыс. жителей Прибалтики, в середине – 1,5–2 тыс. В начале 2010-х гг. этот показатель вернулся на уровень 3,5–4 тыс. чел. в год (табл. 3.10)

Но из прибалтийских стран в Россию уезжали не только русские. К тому же существовал и встречный поток. Некоторое число россиян (в т.ч. и рус-

¹ Расчеты автора.

ских) перебиралось в Прибалтику. Тем самым чистые миграционные потери русского населения в восточном направлении были совсем невелики.

Таблица 3.10. Миграционный обмен населения между Россией и странами Балтии, 2000–2016 гг. (чел.)

Страны	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Миграция в Россию									
Латвия	1785	726	811	1350	1427	1484	1511	1533	1428
Литва	945	360	433	790	770	892	754	790	802
Эстония	786	432	637	1588	1537	1475	1314	1283	1163
Миграция из России									
Латвия	365	211	139	184	431	556	904	946	926
Литва	376	213	153	173	268	339	593	604	579
Эстония	385	225	206	266	613	726	1011	1000	1089
Сальдо миграции									
Латвия	-1420	-515	-672	-1169	-996	-928	-607	-587	-502
Литва	-169	-147	-280	-617	-502	-553	-161	-186	-223
Эстония	-401	-207	-431	-1322	-924	-749	-303	-283	-74

Даже если бы все переселенцы из Латвии в Россию были русскими, а в обратном направлении перемещались исключительно представители других национальностей, миграционная убыль русского массива в 2000-е гг. составила бы всего 10–12 тыс. чел., а Литвы и Эстонии – по 5–7 тысяч.

На демографическое сжатие русских общин в странах Балтии продолжала работать и естественная убыль. В Эстонии ее уровень в 2000-х гг. постепенно снижался (с 5,5–6 ‰ до 3–4 ‰), в Латвии и Литве оставался более высоким (порядка 7–8 ‰). Таким образом, общие естественные потери русского населения Латвии за первое десятилетие XXI в. можно оценить в 23–25 тыс. чел., Эстонии и Литвы – соответственно по 7–8 тыс.

Сравнение естественной убыли и миграционного оттока в Россию с общими демографическими потерями русского населения стран Балтии в 2000-е гг. обнаруживает, что только в Эстонии именно они определяли количественную динамику местной русской общины. В Латвии и Литве общие масштабы убыли оказались куда более значительными. В первой русских в 2000-е гг. стало меньше на 147 тыс., во второй – на 43 тысячи. Таким образом, значительная часть потерь имела другое происхождение. Прежде всего, речь может идти о миграции в другие страны Евросоюза, которая становится ведущим фактором демографического сжатия (табл. 3.11).

На рубеже второго десятилетия XXI в. численность русских в странах Балтии составляет 1,07 млн человек, сократившись за десятилетие на 15,7 %.

Таблица 3.11. Компоненты демографической убыли русских стран Балтии, 2002–2010 гг.¹

Страна	Абсолютные потери, тыс. чел.			Удельный вес в общей убыли, %		
	естест. убыль, ассимиляция	миграция в Россию	миграция на Запад	естест. убыль, ассимиляция	миграция в Россию	миграция на Запад
Латвия	23–25	10–12	110–114	15–17	7–8	75–77
Литва	7–8	5–7	28–31	16–19	12–16	65–72
Эстония	7–8	2–3	1–2	61–70	20–23	10–15

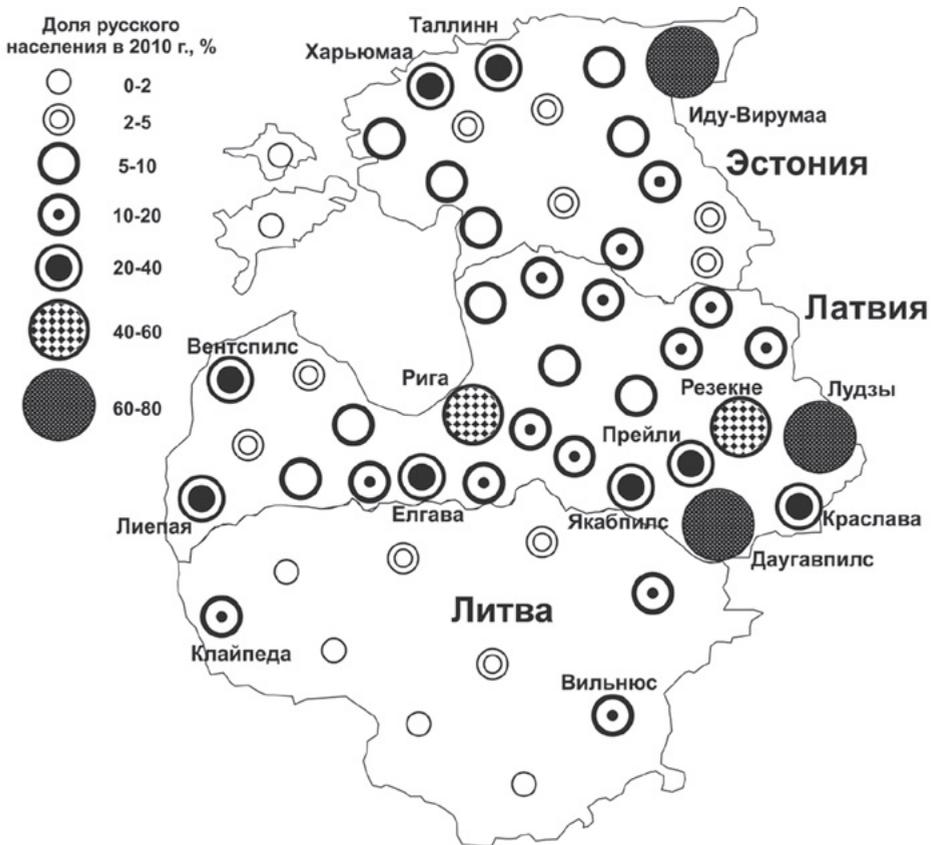

Рис. 3.7. Доля русских по административно-территориальным образованиям стран Балтии, 2010 г.

¹ Расчеты автора.

Сохраняла свои основные черты и система расселения русского населения, основными средоточиями которого помимо трех столиц оставались северные и северо-восточные районы Эстонии, запад и юго-восток Латвии. В районах своего компактного проживания русские этих двух стран по-прежнему являются этническим большинством, составляя до 40–80 % местного населения (рис. 3.7). При этом география русских Латвии остается более равномерной. В 10 из 26 крупных административных образований страны удельный вес русских в 2010 г. превышал 20 %, а с учетом территорий, в которых русских было не менее 10 %, число субрегионов возрастало до 19 (почти $\frac{3}{4}$ территории страны).

В пределах Эстонии русские были весомо представлены (более 20 % в населении) только в трех субрегионах из 17. При этом в 7 административных образованиях их удельный вес был меньше 5 %. Равномерно дисперсным оставалось расселение русских в Литве. В географии местной общины выделялось только два крупных центра – Вильнюс и Клайпеда, на которые приходилось более половины русского населения страны.

2010-е годы

В последние годы перечисленные тенденции сохранились в полном объеме – на демографическое сжатие русских общин Балтии работали все составляющие их количественной динамики. Максимальные темпы депопуляции в этот период, по данным текущего учета, отличали русскую общину Литвы, которая в первой половине 2010-х гг. ежегодно теряла 9,5 тыс. человек, или порядка 6 % своей численности. За 2011–2015 гг. численность русских в республике сократилась со 176,9 до 139,5 тыс. чел.

И если результаты следующей (уже совсем близкой) переписи зафиксируют сохранение данного темпа депопуляции на всем протяжении межпереписного периода, придется констатировать, что демографическая динамика русских в этой балтийской стране развивается по катастрофическому сценарию. Но даже если темпы убыли в последние годы вернулись к уровню нулевых (3,5 % в год), русское население Литвы к началу 2019 г. должно было сократиться до 125 тыс. чел.

Потери русского населения соседней Латвии в 2010-е гг. несколько снизились, но по-прежнему оставались очень велики. Ежегодно русская община страны сокращалась примерно на 9–10 тыс. чел. (1,5–2,0 %

от численности), составив за семь лет (2011–2018 гг.) 70 тыс. человек (12,6 %). Но речь идет о текущем статучете населения, который, как показали обе постсоветских переписи, существенно занижает реальные потери русских.

Перепись 2000 г. обнаружила в Латвии 703 тыс. русских вместо 763 тыс. (-60 тыс.), имевшихся согласно текущей статистике; перепись 2011 г. – 557 тыс., вместо 611–612 тысяч (-54/55 тысяч). Таким образом, фиксируемые статкомитетом среднегодовые потери русского населения в 2000-е гг. составляли около 8 тыс. чел. Результаты переписи заставили поднять их до 14–15 тыс. Есть все основания полагать, что аналогичный «зазор» сохраняется и в текущем десятилетии. В этом случае ежегодные демографические потери русской общины Латвии в 2010-е гг. могут составлять 15–16 тыс. Если предположить, что люфт между статучетом и реальной динамикой сократился и потери составляют 12–13 тыс., численность русских к началу 2019 г. должна была составлять в стране 450–455 тыс. человек.

Определенным образом менялась и форма расселения русских Латвии. В частности, русская община Риги, в последние годы убывала ускоренным темпом (за 2010–2018 гг. доля столичных русских сократилась в стране с 51,8 % до 48,2 %). Свою роль в данном процессе мог играть повышенный уровень русско-титовых браков в столице, ускорявший «латышизацию», а также высокий уровень социокультурной модернизации и миграционной активности русских рижан, чаще уезжавших в другие страны Евросоюза.

Несмотря на существенное улучшение показателей естественного воспроизводства русских в самой России и в большинстве других государств ближнего Зарубежья во второй половине 2000-х – начале 2010-х гг., уровень их естественной убыли в Латвии и Литве оставался в данный период весьма значительным (порядка 7,5–8 %).

Отчасти это было связано с особенностями учета национальной принадлежности детей, родившихся в смешанных семьях. Речь, по сути, идет об ассимиляционной составляющей, встроенной в статистику естественной динамики. Уровень межнациональной брачности русских в странах Балтии, как уже отмечалось, возрастал в западном направлении и был максимальным в Литве, где уже в конце советского периода более половины вступавших в брак русских обзаводились супругом/супругой другой национальности.

В постсоветский период данный процесс еще более ускорился. Тем более что наряду с зарегистрированной формой куда большее распространение получил гражданский брак, нередко сопровождаемый рождением детей. Так, из почти пяти тысяч детей, рожденных в 2015 г. в Латвии русскими матерями, только 60 % имели русского отца. У 26 % таких новорожденных отцом был латыш¹. Схожей была ситуация и в Литве. То есть интенсивность межнациональной брачности у русского населения Латвии и Литвы (в меньшей степени Эстонии) продолжала расти, в т.ч. и брачность с представителями титульных народов.

Значительная доля смешанного потомства таких браков «зачислялась» родителями в состав титульного населения². Иными словами, порядка четверти репродуктивных русских женщин Латвии в настоящее время может «работать» на естественное воспроизводство латышского народа, что самым непосредственным образом сказывается на показателях естественного воспроизводства и общей демографической динамики русской общины страны. Еще острее эта проблема может стоять в Литве, в которой доля мононациональных браков у русских в настоящее время едва ли превышает 35–40 %.

Значительную роль в сокращении численности русского населения Латвии и Литвы играет и миграция в другие страны Евросоюза. Обе эти страны принадлежат к числу наиболее депопуляционных государств Европы. В первом десятилетии XXI в. население обеих стран сократилось на 13 %. В 2011–2018 гг. демографические потери Латвии составили 8,7 % (с 2,07 млн до 1,92 млн чел.), Литвы – 8,5 % (с 3,05 млн до 2,79 млн чел.)³. Основная причина – отток населения в более развитые страны Евросоюза. Среднегодовое отрицательное миграционное сальдо Литвы в середине 2010-х гг. составляло порядка 25–35 тыс. чел., Латвии – 8–10 тысяч.

В этом движении принимают участие представители всех национальных сообществ данных стран. Но есть все основания полагать, что русское население является одним из наиболее активных. Социально-экономическая ситуация в странах Балтии (в том числе и вследствие масштабной депопуляции) многие годы остается сложной, а уровень жизни населения – один из наиболее низких в пределах Европы. С другой стороны, сохраняющаяся политическая дискриминация русских усиливает желание (особенно у молодежи) перебраться в более культурно развитые, экономически динамичные и толерантные государства Евросоюза.

¹ Бузаев В. Правовое и фактическое положение русскоговорящего меньшинства в Латвии. Рига, 2016. С. 26.

² Что в целом соответствовало этносоциопсихологическим реалиям современной Прибалтики – такие бизнотфоры в своей массе ощущали себя представителями именно титульных народов.

³ Так, каждая из двух стран ежегодно теряла порядка 1,2 % своего населения, хотя в отдельные годы данный показатель поднимался до 1,5 %.

Таким образом, центральную роль в сокращении русского этнического присутствия в двух из трех стран Балтии в настоящее время играет европейская миграция, на которую приходится порядка $\frac{1}{10}$ всех демографических потерь русских в Литве и $\frac{3}{4}$ – $\frac{4}{5}$ в Латвии (табл. 3.12).

Таблица 3.12. Компоненты демографической убыли русских стран Балтии, 2011–2018 гг.¹

Страна	Абсолютные потери, тыс. чел.			Удельный вес в общей убыли, %		
	естест. убыль, ассимиляция	миграция в Россию	миграция на Запад	естест. убыль, ассимиляция	миграция в Россию	миграция на Запад
Латвия	23–24	4–5	33–35	38–40	7–8	55–58
Литва*	4–5	2–2,5	30–32	11–13	5–6	79–84
Эстония	6–7	3–4	1–2	55–64	27–36	9–18

Примечание: * – 2011–2015 гг.

Существенно иной является количественная динамика русского населения Эстонии. Демографическое состояние местной русской общины в сравнении с двумя другими балтийскими странами можно считать весьма устойчивым. В течение первого десятилетия XXI в. ее общие потери составили порядка 3–4 %. Согласно текущей демографической статистике, число русских в 2000–2010 гг. сократилось с 351,2 до 341,5 тыс. чел. Перепись 2010 г. обнаружила в стране 326,2 тыс. русских. Но уже статистика за 2012 г. вновь оперировала цифрой в 335,2 тыс. русских. И в последующие годы она изменялась весьма незначительно, опустившись к началу 2018 г. до 328,9 тысяч. За 2012–2018 гг. демографическая убыль русской общины составила только 6,3 тыс. чел. (0,3 % в год). По сути, данная цифра соответствует естественным потерям русского населения, среднегодовые размеры которых в данный период могли составлять порядка 2,5–3,5‰. Таким образом, сальдо миграции оставалось близким к нулевой отметке. Не только Россия, но и Западная Европа не была слишком привлекательной для русских Эстонии.

В целом по региону темпы убыли русского населения в 2010-е гг. несколько выросли в сравнении с первым десятилетием XXI в. составляя порядка 22–23 тыс. чел. в год. Если в 2011 г. общая численность русских

¹ Расчеты автора.

в Прибалтике превышала 1070 тыс. чел., то уже в 2015 г. опустилась ниже миллионной планки. В начале 2019 г. русских в регионе оставалось порядка 940 тысяч. При этом их число в Латвии впервые с начала 1950-х гг. упало ниже полумиллионной отметки, а в Литве оказалось значительно меньше 150 тыс. чел.

Итак, за весь постсоветский период численность русских в странах Балтии сократилась почти вдвое (русская община Литвы сократилась в 2,65–2,75 раза; Латвии и Эстонии соответственно в 1,9 и 1,4 раза). Удельные потери русских общин в структуре населения всех трех стран оказались куда менее значительными вследствие общей депопуляции региона. Причем существенная часть этого долевого сжатия пришлось на первое постсоветское десятилетие. В 2000-е гг. темпы его заметно сократились. А в 2010-е гг. ощутимо доля русских сокращалась только в Литве. И в настоящее время русское население всё еще составляет более четверти жителей Латвии и Эстонии (табл. 3.13)

Таблица 3.13. Удельный вес русских в населении стран Балтии, 1989–2018 гг. (%)

Годы	Латвия	Эстония	Литва
1989	34,0	30,3	9,37
1995	32,8	28,7	8,40
2000	29,6	25,6	6,31
2010	26,9	25,5	5,81
2018	25,4	25,1	4,3/4,6

Сокращения русских в пределах региона в постсоветский период было практически повсеместным. Хотя масштабы этого процесса несколько различались по формам расселения и провинциям балтийских стран. Наибольшую устойчивость демонстрировало сельское население, удельный демографический вес которого заметно вырос в Латвии и Литве (табл. 3.14). Быстрее сокращалось русское население столиц, но максимальные темпы убыли демонстрировали русские средних и небольших городов. Не столь укорененные, как сельские «единоплеменники», среди которых было значительное число старожилов, они не имели и социально-экономических преимуществ, которыми пользовались столичные русские. Как результат, масштабы миграции нестоличных русских горожан Прибалтики оказывались самыми высокими а их удельный вес в структуре русских общин снижался.

Таблица 3.14. Форма расселения русских в Латвии и Литве, 1989–2011 гг. (% от общей численности)¹

Годы	Литва			Латвия			Эстония	
	столица	другие города	села	столица	другие города	села	столица	остальная территория
1989	33,8	55,9	10,3	47,6	37,4	15,0	41,5	58,5
2015	35,2	49,9	14,9	47,5	25,0	27,5	47,5	52,5

3.5

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАЛТИИ

Анализ демографической динамики русских всех трех балтийских государств убеждает в устойчивом характере «нисходящего» тренда, имеющего место уже почти три десятилетия. С большой вероятностью убыль русского населения, определяемая сразу всеми факторами количественной динамики, продолжится и в дальнейшем. Причем в Литве и Латвии убыль достаточно быстрая.

Простая пролонгация на среднесрочную перспективу существующих темпов депопуляции уже к 2030 г. практически ставит крест на русской общине Литвы, которая при данном сценарии должна будет сократиться до 10–15 тыс. чел. Но и число русских в Латвии упадет до 360–380 тысяч. Наиболее устойчивая эстонская община будет насчитывать порядка 295–315 тысяч.

Если же исходить не из абсолютных, а относительных показателей убыли, коррелирующих с общим демографическим потенциалом русского населения Балтии, масштабы его депопуляции в итоге могут оказаться существенно меньше указанных. Особенно для Литвы, поскольку сложно представить, чтобы в современной европейской стране почти 180-тысячная этническая община (по данным 2011 г.) в течение двух десятилетий практически прекратила свое существование.

¹ Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>; Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: <http://pop-stat.mashke.org>

Но конкретные цифры и точные сроки, как представляется, большого значения не имеют, поскольку речь идет о жестко заданной нисходящей демографической траектории, изменить которую в сложившихся обстоятельствах практически не представляется возможным. При этом естественная убыль русских и миграция в Россию будут по-прежнему играть второстепенную роль, в сравнении с оттоком в другие страны Евросоюза и ассимиляцией русско-титульных биэтнофоров в Латвии и Литве.

За прошедшие после распада СССР три десятилетия в Прибалтике выросли и вошли в жизнь новые поколения русских, демонстрирующие всё большие социокультурные и психоповеденческие отличия от русского населения России.

Эти отличия были ощутимы уже в начале 2000-х гг. Русские, «сами того не замечая, переориентировались на Европу, на ее культурные штампы, оставаясь пока носителями русской речи... Впрочем, и русская речь в Латвии всё больше отдаляется от российского стандарта... Речь родившегося и выросшего в Латвии русского уже режет слух в российской культурной среде... А сами местные русские постепенно осознают, что латыши, с которыми они живут и работают бок о бок, становятся им куда ближе и понятнее, чем бывшие земляки-россияне... Не бывает единой модели поведения. Тем не менее десять лет существования латышского государства выявили основную тенденцию – курс на ассимиляцию русских в латвийское общество»¹.

Сказанное в еще большей степени распространяется на русских Литвы и вполне приложимо и к значительному числу представителей русской общины Эстонии. А за 15–17 лет, прошедшие после того, как был написан этот текст, все обозначенные в нем тренды социоэтнокультурной эволюции русского населения Балтии получили свое дальнейшее развитие.

В настоящее время основная масса русских балтийского региона – это люди, так или иначе – экономически, социокультурно, ментально – адаптированные к жизни в своих странах, высоко оценивающие возможности, открываемые европейским статусом Балтии. Подавляющее большинство тех, для кого возвращение на историческую родину являлось сколько-нибудь значимой жизненной целью, вернулись в Россию еще в 1990-е годы. Уже к началу XXI в. отток сократился самым существенным образом.

¹ Русские в Латвии. Вчера. Сегодня. Завтра... URL: <http://xfilespress.com/russkie-v-latvii-vchera-segodnya-zavtra.aspx>

А новое геополитическое охлаждение между Россией и коллективным Западом окончательно минимизировало переток русских Балтии в Российскую Федерацию.

Заметим, что уже в конце советского периода русские Прибалтики владели титульными языками заметно лучше, чем в других союзных республиках¹ – свидетельство очевидной заинтересованности не только в профессиональной, но и в социокультурной интеграции в принявшие их республиканские социумы. Причем уровень языковой адаптации прямо коррелировал с масштабом присутствия и формой расселения русского населения в республиках, достигая максимального уровня в Литве, где русские были в явном меньшинстве и не имели обширных ареалов своего компактного расселения, как в Эстонии и Латвии (табл. 3.15).

Таблица 3.15². Свободное владение русскими региона титульным языком своих республик (государств), последняя треть XX – начало XXI вв. (%)*

Республика (страна)	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2008–2011 гг.
Латвия	18,3	20,1	22,3	48
Литва	32,7	37,4	37,5	65
Эстония	14,1	12,9	15,0	32 (82*)

Примечание:

* – с учетом владеющих языком пассивно (понимание устной речи, способность немного изъясняться).

В первые два десятилетия постсоветского периода проблема культурно-языковой интеграции русскими общинами Балтии в значительной степени была решена. Большинство не сумевших освоить титульный (государственный) язык своей страны в настоящее время представлено людьми старшего возраста. Местная русская молодежь (прежде всего, в Литве и Латвии) в своей массе владеет им свободно. Но в значительной степени уже и англоязычна, что открывает для нее широкие возможности по профессиональной самореализации за пределами Балтии в других странах Европы или Северной Америки. Очевидно и то, что немногие русские из числа уехавших «на запад» в дальнейшем испытывают желание вернуться.

¹ Даже украинским языком в пределах УССР русские в 1989 г. владели несколько хуже, чем литовским в Литве (соответственно 34,5 и 37,5 %). А показатель владения белорусским языком в БССР был сопоставим у русских с владением латышским в Латвии (22,3 % и 24,5 %).

² Данные для табл. 3.15–3.19 рассчитаны автором.

Прибалтика остается глубокой экономической и культурной периферией Евросоюза. А отношение государственной власти к русскому населению таково, что, покинув свои страны, оно вряд ли будет испытывать ностальгию по утраченной балтийской родине. Даже среди «титulyных» прибалтов, отправившихся на поиски лучшей жизни в более развитые страны Европы, процент желающих вернуться в свои страны невысок. У русских мигрантов он еще ниже.

А среди русских, остающихся в Прибалтике, доминирует желание максимальной социально-экономической и социокультурной интеграции в местные социумы. Один из вариантов – брак с представителями титульных (и шире – всех европейских) народов. Впрочем, межнациональная брачность русских Прибалтики не только интеграционная стратегия, но, как уже отмечалось, давно укорененная и весьма распространенная практика.

Доля русских, выбирающих себе супруга другой национальности в Литве и Латвии, в настоящее время может достигать 50–60 %, в Эстонии – 30–40 %. Причем, повторимся, во всех трех странах региона русская идентичность серьезно проигрывает титульной в привлекательности и смешанное потомство титульно-русских семей в значительном большинстве выбирает первую из двух национальностей.

Показательными в этом плане являются данные по Латвии. Если в 2015 г. из 5,17 тыс. детей, рожденных в этой стране русскими матерями, 1,16 тыс. были записаны латышами, то из 14,1 тыс. младенцев, рожденных латышками, русскими было записано только 159 новорожденных. Конечно, данный более чем 7-кратный перевес отчасти связан с тем, что русские женщины чаще становились супругами латышей, чем русские мужчины женились на латышках. Но можно предположить, что количественная разница между данными двумя вариантами русско-латышской брачности была не столь значительной. И часть русских мужей была согласна записать своего ребенка по национальности матери.

Таким образом, в демографическом взаимообмене с титульным народом русские Латвии теряли в середине 2010-х гг. около 1/3 своего естественного пополнения. Справедливости ради следует указать, что в других межнациональных сочетаниях русская идентичность остается конкурентной. В смешанных семьях латвийских русских не только с местными украинцами и белорусами, но даже с поляками и литовцами родители чаще выбирают детям именно русскую национальность. Данное ассимиляционное пополнение компенсирует

примерно половину потерь, понесенных в демографическом взаимодействии с титульной нацией.

Но еще быстрее перечисленные крупные общины страны ассимилируются самими латышами. Как результат, уже в настоящее время медианный возраст белорусов Латвии превышает 57 лет, украинцев и поляков составляет соответственно 53,5 и 52,3 года. Налицо все признаки быстрого угасания данных диаспор. Очевидно, что их демографического ресурса для ощутимой подпитки русской общины Латвии хватит ненадолго. Не говоря уже о том, что в условиях устойчивого обострения отношений России и коллективного Запада даже украинская и белорусская идентичности со временем могут увеличить свою привлекательность у биэтнофоров.

Демографическая убыль русских общины Балтии будет ускоряться не только ростом числа русско-титульных семей с последующей ассимиляцией их потомства, но и резким сокращением числа женщин репродуктивного возраста. С начала 2010-х гг. в активный детородный возраст входит малочисленная генерация первого постсоветского десятилетия. За период 2012–2017 гг. численность русских женщин в возрасте 20–39 лет сократилась в Латвии с 68 до 60 тыс. чел. И данный тренд является долгосрочным (если не бессрочным). К началу 2030-х гг. даже без учета миграции в Латвии останется только половина потенциальных русских «матерей» от уровня начала 2010-х. Не менее острой является данная проблема и в Литве.

Однако демографические перспективы русских общин Балтии определяются не только общими трендами, но и множеством конкретных факторов, специфическими для каждой из стран.

Латвия

В настоящее время численность русских в стране упала до уровня первой половины 1950-х гг. и продолжает быстро сокращаться (рис. 3.8). Прогноз естественной динамики русского населения Латвии методом передвижки возрастов с учетом ассимиляционной составляющей обнаруживает заметное ускорение масштабов демографической убыли уже со второй половины 2020-х гг. А к концу 2040-х гг. среднегодовая естественно-ассимиляционная убыль может составлять порядка 17–18 ‰. Даже динамический вариант,

предполагающий определенную активизацию (на 10–20 % от современного уровня) репродуктивной активности русских женщин при параллельном улучшении коэффициентов дожития различных возрастных групп русского населения Латвии оказывается сопряжен со значительным сокращением его численности к середине XXI века (табл. 3.16).

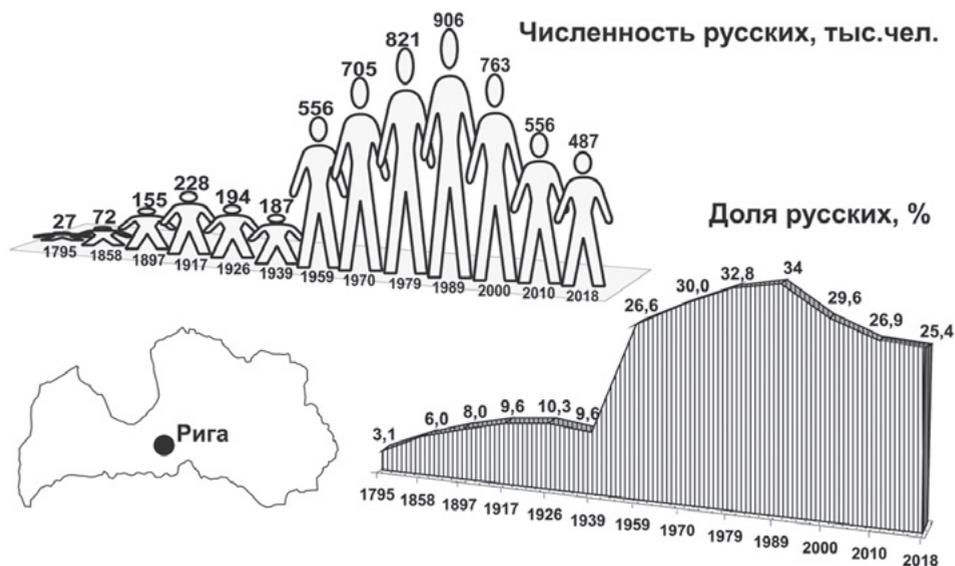

Рис. 3.8. Динамика русского населения Латвии, 1795–2018 гг.

Таблица 3.16. Сценарии динамики русского населения Латвии (удельные показатели), 2018–2050 гг.

Сценарии	2018–2020	2021–2030	2031–2040	2041–2050
<i>Естественная убыль и ассимиляция (% от наличной численности)</i>				
Оптимистический	1,8	4–4,5	7–8	12–13
Наиболее вероятный диапазон	2–2,2	5–6	9–10	14–16
Негативный	2,5	8–9	11–12	17–18
<i>Чистый отток (% от наличной численности)</i>				
Оптимистический	2,5	6–7	4–5	2–3
Наиболее вероятный диапазон	3	8–9	7–8	6–7
Негативный	3,5	11–12	11–12	11–12

Но помимо естественной и ассимиляционной убыли есть еще и миграционный отток, на который приходится основные демографические потери русской общины. Если в 2000-е гг. он составлял порядка 10–11 тыс. чел. в год, то во втором десятилетии снизился до 6–6,5 тысяч. Сохранение миграции на таком уровне еще на 10–15, тем более 25–35 лет, наложившись на естественно-ассимиляционную убыль, способно сократить численность русских в Латвии к началу 2030 г. до 360–380 тыс. человек, а к середине века – до 200–215 тысяч.

Конечно, миграция с большой вероятностью будет сокращаться как в связи с общим «сжатием» русской общины, так и с ее постепенным старением (возрастное население, как известно, отличается меньшей мобильностью). Но даже расчет, предполагающий сокращение масштабов миграционного оттока русских в каждое следующее десятилетие на 30–40 % от уровня предыдущего, фиксирует значительные величины (он может составить 40–50 тыс. человек в 2020-е гг., 30–40 тыс. в 2030-е и 20–30 тыс. в 2040-е гг.). Результирующая механических потерь за весь 30-летний период при таком сценарии составит порядка 90–120 тыс. чел. Таким образом, к середине XXI в. численность русских в Латвии с большой вероятностью может опуститься до 240–280 тыс. чел. (табл. 3.17).

Таблица 3.17. Сценарии количественной динамики населения Латвии, 2018–2050 гг. (тыс. чел.)

Сценарий	2018	2020	2030	2040	2050
Оптимистический*		474	422–427	365–380	310–330
Наиболее вероятный диапазон**	487,2	469–470	390–410	310–350	235–280
Негативный***		466	365–380	285–300	200–215

Примечание:

* – совмещение положительных сценариев естественной и миграционной динамики;

** – сочетание «срединных» или противоположных сценариев естественной и миграционной динамики;

*** – совмещение отрицательных сценариев естественной и миграционной динамики.

Не менее существенно и то, что медианный возраст русского населения страны с большой вероятностью к 2050 г. поднимется до 57–59 лет, а доля пожилых (люди старше 60 лет) приблизится к 50 %. Такая возрастная структура будет свидетельствовать о неизбежном резком ускорении естественной убыли депопуляции русского населения уже в 2060–2070-е гг. При данном сценарии последняя четверть XXI в., по сути, может стать временем окончательного демографического заката пока еще самой крупной русской общины Балтии.

Литва

За 1989–2015 гг. численность русских сократилась в стране в 2,5 раза, вернувшись на уровень конца XIX века (рис. 3.9). Причем темпы убыли в 2010-е гг. были сопоставимы с первым постсоветским десятилетием. И если русская община Латвии даже при «средних» прогнозных сценариях демографической динамики способна продемонстрировать к 2050 г. двукратное сокращение, то перспективы русского населения Литвы выглядят еще пессимистичней.

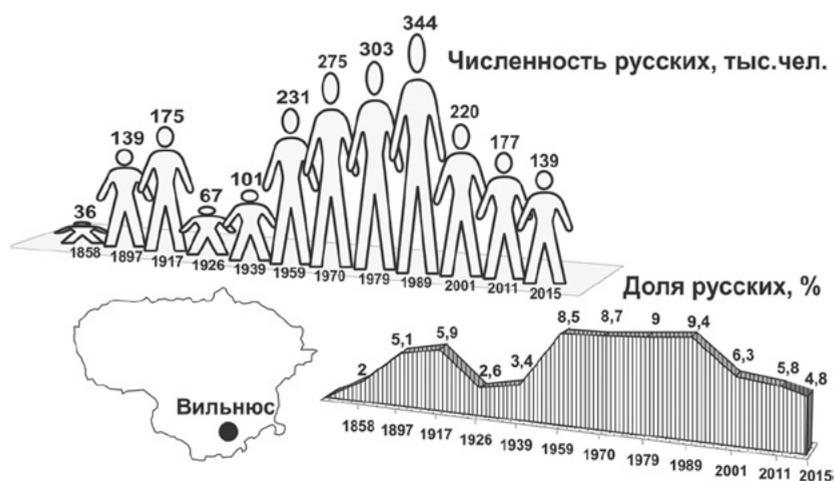

Рис. 3.9. Динамика русского населения Литвы, 1795–2015 гг.¹

Находясь под куда более сильным ассимиляционным прессом титульной национальности, население параллельно демонстрирует максимальные темпы миграции (характерные и для других национальностей страны, включая самих литовцев). Даже если действия литовских властей, в последние годы серьезно обеспокоенных миграционными потерями своего населения, будут способствовать некоторому сокращению масштабов оттока, русской общине будет очень сложно остановить свое стремительное количественное сжатие. Речь может идти только об известном торможении данного процесса.

Естественная убыль и ассимиляция биэтнофоров даже без учета миграции в состоянии сократить численность русских Литвы к середине века

¹ Рассчитано по: Кабузан В.М. Русские в мире; Демоскоп Weekly (приложение). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>; Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: <http://pop-stat.mashke.org>

до 90–95 тыс. чел. Если предположить, что в 2020-е гг. отрицательное миграционное сальдо русской общины, существовавшее в первой половине текущего десятилетия, сократится втрое (до 1,7–2 тыс. чел. в год), а в 2030–2040-е гг. будет составлять 1–1,5 тыс. чел. в год, то и в этом случае общие миграционные потери за 2018–2050 гг. составят несколько десятков тысяч человек и к середине века русских в стране останется не более 50–60 тысяч (табл. 3.18–3.19).

Таблица 3.18. Сценарии динамики русского населения Литвы (удельные показатели), 2016–2050 гг.

Сценарии	2016–2020	2021–2030	2031–2040	2041–2050
<i>Естественная убыль и ассимиляция (% от наличной численности)</i>				
Оптимистический	3	4–4,5	7–8	12–13
Наиболее вероятный диапазон	3,5	5–6	9–10	14–16
Негативный	4,0	8–9	11–12	17–18
<i>Чистый отток (% от наличной численности)</i>				
Оптимистический	6–7	10–12	8–10	6–8
Наиболее вероятный диапазон	9–11	15–18	13–15	10–14
Негативный	12,5–14	22–25	20–22	18–21

Таблица 3.19. Сценарии количественной динамики населения Литвы, 2016–2050 гг. (тыс. чел.)

Сценарий	2015	2020	2030	2040	2050
Оптимистический	139	125–126	105–109	86–92	68–75
Наиболее вероятный диапазон		119–125	90–102	68–83	48–65
Негативный		114–116	73–80	50–56	30–35

Эстония

Значительно большую демографическую устойчивость демонстрируют эстонские русские, на протяжении последних двух десятилетий потерявшие только 6,3 % своей численности (рис. 3.10). Среди причин можно назвать меньший уровень русско-титульной брачности. Повышенная закрытость титульного народа оборачивается лучшей сохранностью русского населения страны. Имеет значение и пространственная сопредельность Эстонии с «большой» Россией, а также и пространственная компактность системы расселения русских – концентрация их в столице и в северо-восточном, пограничном с РФ, регионе Эстонии (Ида-Вирумаа), на которые в сумме приходится

около 77 % всего русского населения страны. Показательна устойчивость его удельного веса в данных территориальных сообществах – в населении Таллинна доля русских за 2000–2017 гг. не упала, но даже сумела прибавить полпункта (с 36,3 % до 36,8 %), в Ида-Вирумае выросла на 3,4 % (рост с 69,5 % до 73,1 %).

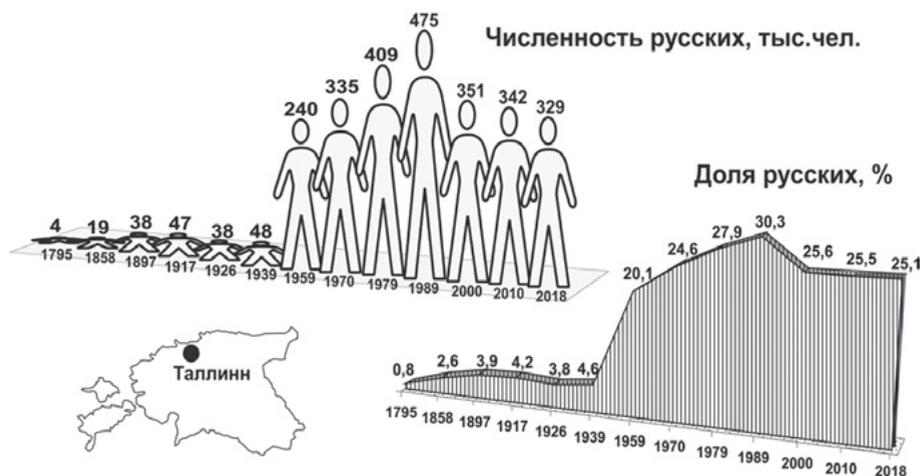

Рис. 3.10. Динамика русского населения Эстонии, 1795–2018 гг.¹

Таким образом, более $\frac{3}{4}$ русских страны проживают в территориальных сообществах, позволяющих не только сохранять более высокий уровень моноэтнической брачности, но и существенно минимизировать социокультурное давление титульного народа и формируемой им социальной среды. В 2010-е гг. у 71–72 % детей, рожденных русскими женщинами Эстонии, были русские отцы, в то время как в соседней Латвии этот показатель составлял только 60 %.

Часть своих демографических потерь русская община страны компенсирует ассимиляцией местных белорусов и украинцев. Данный процесс в известной степени характерен для всей постсоветской Балтии, но в Эстонии получил большее распространение. На это, в частности, указывает тот факт, что за 1989–2017 гг. общая численность белорусов и украинцев в стране сократилась значительно больше, чем русских (она составила соответственно 57 %, 52 % и 30 %). Показательно, что в Латвии и Литве темпы убыли представителей всех восточнославянских народов были куда более сближены между собой. Наконец, повторимся, незначительными были

¹ Рассчитано по: Кабузан В.М. Русские в мире; Демоскоп Weekly (приложение). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>; Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: <http://pop-stat.mashke.org>

и масштабы миграции в Европу (не только русских, но и представителей других национальностей страны, включая самих эстонцев).

Вместе с тем, учитывая, что в репродуктивный возраст вступает малочисленная генерация 1990-х гг., размеры естественной убыли русских Эстонии в предстоящие десятилетия будут неуклонно расти. Тем более что и все последующие поколения русской молодежи страны будут существенно меньше генераций советского периода.

Естественные потери общины до 2050 г. в зависимости от реализуемого демографического сценария могут составить 12–20 %. Без учета миграции, численность русских Эстонии к середине века может сократиться до 265–290 тыс. человек. Долгосрочное сохранение миграционного оттока на текущем уровне способно сократить это демографическое множество еще на 20–30 тысяч. И к 2050 г. размеры русской общины могут составлять порядка 240–270 тыс. человек.

Итак, в настоящее время мы являемся наблюдателями демографического «заката» русских общин Балтии – стремительного в Литве, быстрого в Латвии, значительно более замедленного, но также неуклонного – в Эстонии. Учитывая, что миграцией наиболее быстро «вымывается» молодежь и люди среднего возраста, структура русских общин Латвии и Литвы постепенно смещается в сторону пожилых генераций (уже в настоящее время медианный возраст русских Латвии составляет 48 лет). Когда средний возраст местного русского населения поднимется до 50–55 лет, темпы его естественной и общей демографической убыли начнут ускоряться. В Литве в силу масштабных миграционных потерь период такого ускоренного количественного сжатия может наступить уже в среднесрочной перспективе (на рубеже – в начале 2030-х гг.), в Латвии на 10–20 лет позже, в Эстонии – во второй половине века.

Иными словами, сохранится алгоритм, в соответствии с которым темпы русского этнокультурного отступления из региона растут в западном направлении. Максимальную демографическую жизнеспособность продолжит демонстрировать русская община Эстонии. Демографические потери русского населения Латвии окажутся существенно выше. А максимальная убыль в удельном разрезе будет характерна для общины Литвы.

Наиболее вероятным сценарием для нее представляется 1,7–2-кратное сокращение размера за 2010–2030 гг. (до 90–100 тыс. человек) и трансформация к середине XXI в. в диаспору с демографическим потенциалом в несколько десятков тысяч человек. В Латвии численность русских к 2030 г. опустится до 370–400 тыс. чел. и до 250–280 тысяч к 2050 г. (при этом, что возможны и более

количественно полярные варианты динамики) (рис. 3.11). Для русских Эстонии наиболее вероятные рубежи этнодемографического отступления к 2030 и 2050 гг. составляют соответственно 295–315 и 240–290 тыс. чел. Таким образом, с большой вероятностью, к середине XXI в. русские общины Латвии и Эстонии окажутся сопоставимы по размерам, а еще спустя 10–20 лет вторая станет крупнейшей в Балтии. В целом же в пределах региона к 2050 г. может оставаться порядка 470–580 тыс. русского населения.

Рис. 3.11. Динамика русского населения Прибалтики, 1989–2050 гг. (тыс. чел.)¹

Удельное сокращение русских будет менее значительным вследствие общей депопуляции региона. Русская община Эстонии может почти не потерять в данном показателе, а значит, и в середине XXI в. русские будут составлять почти четверть населения страны. В Латвии потери окажутся более значительными (русские в 2050 г. будут составлять $\frac{1}{5}$ – $\frac{1}{7}$ часть жителей). А в Литве доленое присутствие русских, скорее всего, ограничится 1,5–2 %.

Таблица 3.20. Удельный вес русских в населении стран Балтии, 2018–2050 гг. (%) (для 2030 и 2050 гг. наиболее вероятный диапазон значений)²

Год	Латвия	Эстония	Литва
2018	25,4	25,1	4,3/4,6
2030	21,3–22,7	24–24,5	2,7–3,9
2050	14,5–19,6	23–24	1,4–2,25

¹ Расчеты автора.

² Расчеты автора.